

МЛ.СР
Т 14

Я. ТАЙЦ

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ 1940

Я. ТАЙЦ

Т-148

ЗОЛОТОЙ ГРОШИК

РАССКАЗЫ

Рисунки
Ф. ПОЛИЩУК

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1940 Ленинград

Ребята! Напишите нам, понравилась ли
вам эта книга. Укажите свой адрес, имя,
фамилию и возраст.

Наш адрес: Москва 12, Малый Черкас-
ский пер., д. 1. Детиздат, Массовый отдел.

14542

1967-68 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Ответств. редактор Н. Медведкова. Художеств. редактор П. Суворов. Технич. редактор
З. Тышкевич. Корректоры О. Каплан и А. Сапелкина. Сдано в производство 23/VI 1940 г.
Подписано к печати 24/VIII 1940 г. Детиздат № 2700. Индекс Д-6. Формат 70 × 93¹/₁₆. 5 печ. л.
(4 уч.-изд. л.) 34 428 экз. в печ. л. Тираж 25 000. А29019. Заказ № 1094.

Фабрика детской книги Изд-ва детской литературы ЦК ВЛКСМ. Москва, Сущевский вал, 49.

Золотой грошик

ПЕРВАЯ КАРТИНКА

Бабушка часто говорит:

— Янке, выпей молочка! Янке, возьми сахарку!

У бабушки много молока. В двух громадных бидонах она разносит его по богатым квартирам. Где она берет молоко, Янке не знает. Он пьет молоко, но больше налегает на сахар.

По утрам он пьет молоко в кровати. Вот он кричит в стакан:

— Еще сахару-у!

«Тик-так!» откликаются ходики, а в стакане гудит: у-у-у!..

Янке сбрасывает одеяло. Опять они оставили его одного! Опять она ушла со своими бидонами!

Он подбегает к запертой двери, садится голышом на пол у порога и плачет:

— Мама-а!

«Тик-так!» дразнятся ходики, а Ядвига за стеной говорит:

— Не плачь, Янек, бабуся прендко пшиде¹.

— Она меня заперла...

— Не бойся, Янек! Смотри, солдаты.

— Где?

Слезы у Янкеле высыхают, он бежит к окну. Верно — солдаты. Они все одинаковые, все одинаково разевают рты и поют с присвистом:

Соловей, соловей, пташечка...

А между словами слышно, как стучат сапоги. Эх, раз, эх, два! — будто одна громадная, тяжелая нога. И тихонько дребезжит стекло в окне.

Янкеле прижимается к стеклу, прислушивается к пронзительному солдатскому свисту, выпячивает губы и тоже пробует насвистывать: «Соловей, фьююю, фьююю, соловей...»

Солдаты кончились. Можно опять поплакать. Вдруг Янкеле замечает городского. Городовой стоит на углу, и пыль после солдат садится возле него на землю, будто она тоже боится его длинной изогнутой палки.

Янкеле быстро натягивает штанишки, допивает молоко без сахара — все как умный мальчик, чтобы городской ничего плохого не подумал, — и садится к окну рисовать. Мама, когда уезжала к папе, подарила Янкеле цветные карандаши. (А он все равно плакал!)

На той стороне улицы, против окна, стоит большой дом, а на доме красивая вывеска: золотой орел с двумя головами и буквы. Янкеле знает только две буквы: «А» и «О».

Он достает из коробочки зеленый карандаш и начинает срисовывать орла.

Ядвига стучит в стенку:

— Янек, ты не плачешь?

— Нет. А ты?

— Я тоже нет.

¹ Прендко пшиде — скоро придет.

Янкеле рисует орла и думает о папином брате Герцке. Он был хороший, он всегда брал с собой Янкеле и Ядвигу на главную улицу, где иллюзион¹. Ядвига, кутаясь в белый платок, шла около Герцке и тихо говорила:

— Герценька, коханный² мой, пойдешь со мной в костел? А то тату не пустит...

Герцке трогал тросточкой Ядвигин платок:

— У тебя тату, у меня мама. Что делать? Сердце мое разрывается! Янкель, не путайся под ногами!

А если мимо проходил кто-нибудь чужой, Герцке весело вертел тросточку двумя пальцами.

— Какой чудный вечер, панна Ядвига! Перейдем на другую лаву³.

А Ядвига отвечала:

— Ах, бардзо дзенкую⁴, пан Герцко!

А потом Герцке забрали в солдаты, и никто больше не ходит с Ядвигой и с Янкеле на Погулянку и на Замковую гору. Вот почему теперь часто слышно, как за тонкой стеной плачет Ядвига...

Орел получился какой-то кривой: одна голова больше, другая меньше. Его надо бы золотым карандашом, но мама не купила.

Янкеле принимается за буквы. Одна буква похожа на табуретку, другая на весы без чашек. Янкеле видел такие весы на Рыбном базаре. Бабушка берет его туда по пятницам. Там летают большие зеленые мухи, и везде — на столах, в бочках, в корзинах — везде шевелятся скользкие блестящие рыбы. А толстые, забрызганные чешуей торговки, размахивая мокрыми руками, кричат:

— Свеженьки... живеньки... только что из Вилии... Мадам, обратите внимание, какая жабра.

Бабушка долго торгуется, нюхает щуку, раздрает ей жабры, кладет на место, отходит, возвращается, снова торгуется,

¹ Иллюзион — так раньше называлось кино.

² Коханный — любимый.

³ Лава — тротуар.

⁴ Бардзо дзенкую — очень благодарна.

пока торговка наконец не схватит щуку и не бросит ее в кошолку:

— А, нехай по-вашему! Давай гроши!

Янкеле, помогая себе языком, срисовывает букву за буквой. Потом он приподымается и смотрит то на вывеску, то на свою картинку. Получается похоже, только на вывеске все буквы одинаковые, а у Янкеле они косые и неровные, будто падают. Зато у него каждая буква другого цвета, все семь карандашей в работе. Вот вернутся папа с мамой, он им покажет свою картинку. Папа посадит его на колени, пощекочет усами и скажет:

— Ай, Яшкец-молодец!

За дверью гремят бидоны. В замке звякает ключ. Янкеле вскакивает и, роняя штанишки и карандаши, бежит к двери:

— Бабушка!

Бабушка опускает пустые бидоны, ставит на стол кварту¹ и обнимает Янкеле. Он дергает ее за старенькое, облитое молоком платье и старается заплакать:

— Почему ты меня заперла-а?

— Золотко, не надо плакать! Бабушка ушла, когда ты еще спал. Бабушка зато тебе сахарку принесла!

Янкеле все-таки пробует всплакнуть. Он жмурится, трет глаза, хнычет, но ничего не получается. Он засовывает в рот большой кусок сахара и показывает бабушке свою картинку.

Бабушка ахает и причмокивает языком:

— Тца, тца! Вы подумайте, какой умник!

— Нет, бабушка, ты прочитай!

Бабушка долго смотрит на орла с двумя головами, на синие, желтые, зеленые буквы.

— Бабушка не умеет, золотко! Вот приедет мама, она прочитает.

— А! папа?

— И папа тоже. Конечно. Все прочитают!

Бабушка принимается мыть бидоны. А Янкеле вешает картинку над кроватью, сосет сахар и думает: «Скорей бы папа с мамой приехали!»

Потом они с бабушкой обедали, потом ужинали. Потом ба-

¹ Кварта — металлическая мерка для молока.

бушка зажгла лампу и села вязать Янкеле чулок. А Янкеле улегся под своей картинкой. Было тихо, все мухи ушли спать на потолок, только в лампе тихонько шипел керосин да под печкой скреблась мышь. И Янкеле сразу заснул.

Вдруг шум и яркий свет выкрученного фитиля в лампе разбудили его. Он вскочил:

— Приехали! Приехали!

Мама, не раздеваясь, кинулась к нему. Он обхватил ее, прижался к маминой холодной щеке.

— А папа? Где папа?

Бабушка взяла Янкеле, уложила, накрыла одеялом:

— Спи, котик, спи, папа завтра придет.

Она повернулась к маме:

— Ну, что сказал суд?

— Бабушка, — сказала мама, — надо быть... стойкой... надо быть крепкой...

— Да-да, — шепчет бабушка.

— Вам надо гордиться таким сыном... Как он держался на суде! И вот... всех на семь... лет... в крепость... И всё! И не надо плакать...

Бабушка роняет спицы на пол и всплескивает руками:

— Ой, горе мне! самого старшего! самого удачного!

— Мама, — вдруг кричит Янкеле, — смотри, это я сам написал!

Он снимает со стены свою картинку и сует ее маме.

Мама обнимает его. Он вырывается:

— Нет, ты сначала прочитай, прочитай!

Мама медленно читает старательно нарисованные буквы:

ПИТЕЙНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ.

И вдруг две маленькие слезы выкатились из маминых глаз и упали на картинку.

— Что ты делаешь! — закричал Янкеле. — Что ж я завтра папе покажу?!

А мамины слезы всё падают на кривого орла с двумя головами, на красные, синие, зеленые буквы, на первую картинку Янкеле...

ЗОЛОТОЙ ГРОШИК

Наконец-то Янкеле исполнилось шесть лет! В этот день бабушка поцеловала его крепче, чем всегда, и подарила ему маленькую блестящую денежку — грошик.

Янкеле спросил:

— Он золотой, да?

Бабушка была глуховата. Она кивнула головой:

— Да, котик, да!

Янкеле обрадовался. Он любовался денежкой, дышал на нее и все думал, как бы получше ее истратить.

А что, если отдать ее извозчику Геноху! Тогда можно будет долго кататься на его огромном фаэтоне — спереди, на мягком сиденье, как настоящий пассажир с варшавского поезда.

Нет, жалко отдавать грошик Геноху. Прокатиться можно и так, сзади, там, где болтается ведро и мелькают страшные, облепленные грязью спицы. Пускай Генох кричит: «Шейгец, слезай!», пускай хлопает кнутом — все равно ему Янкеле сверху не достать!

А что, если отдать грошик Монику Мошковскому! За это, пожалуй, можно попросить его новые башмаки с резинками. Вчера он вышел во двор в этих башмаках и, поминутно нагибаясь, обтирал их рукавом.

— А я сегодня именинник, — сказал он. — А мне мама рубль дала! Приходите, ребята, у нас будет бал, вот!

Янкеле никогда еще не бывал на балах и даже не знает, что это такое — бал. И, хотя бабушка сказала ему: «Не ходи к ним, Янкеле!», он все-таки пошел, потому что ему очень хотелось увидеть бал.

Моник, нарядный, приглаженный, встретил его у дверей:

— Ты? Подожди, я сейчас!

Янкеле долго сидел на кухне, где мыли посуду, где стучали ножи и вилки, а над плитой то и дело взлетал теплый, вкусный пар. Потом кухарка сказала:

— Наш Монечка пошутил, а ты ждешь! Иди, дурачок, а то мне смешно делается.

Янкеле побрел домой. Бабушка спросила:

— Как тебе понравился бал?

Янкеле сказал только:

— Бал... бал... Вот!

Потом заплакал и сразу лег спать, потому что бабушка ему не раз говорила: «Когда спишь, ничего не чувствуешь».

Нет, Монику нельзя отдавать денежку.

Кому же все-таки?

Вдруг он услышал знакомое:

— Свежи-и... пирожны-ы...

Это пирожница Хана. Вот кому он завидует! Ей хорошо, ей уже лет двенадцать, а не просто шесть. И у нее большая корзина с пирожными, и она может их есть, когда захочет.

И Янкеле решил: он отдаст Хане золотой грошик, купит пирожных и даже бабушку угостит.

Зажав монетку в кулак, он выбежал за ворота.

Хана медленно шла серединой улицы. Она вся изогнулась, потому что на плече у нее стояла большая корзина. Издали казалось, будто корзина сама передвигается на худых босых ногах, будто корзина сама кричит тонким голосом:

— Свежи-и... пирожны-ы...

Янкеле побежал за Ханой:

— Пирожны-ы... Стой!

Корзина повернулась, опустилась, и Янкеле увидел покрытое пылью и потом лицо Ханы. Но он смотрел не на Хану, он смотрел в корзину. Ой, сколько ж там пирожных! И длинные, и круглые, и изогнутые, и в бумажках, и без бумажек...

Хана спросила:

— Тебе какое?

Янкеле не знал, какое выбрать. Он молча разглядывал чудесное богатство Ханы-пирожницы.

Хана сказала:

— Замечательный товар! Свеженьки... сахарны...

Янкеле очнулся. Он стал показывать пальцем:

— Это и то... Нет, то... Нет, вон то... Много...

И он протянул Хане-пирожнице золотой грошик. Монетка весело заблестела на ее ладони, на которой красными пятнами отпечаталась ручка корзины.

Вдруг Хана крикнула:

— Что ты мне голову морочишь!

Она взмахнула рукой, и грошик, сверкнув, упал в канаву.

Янкеле растерялся:

— Он же не такой, Хана, он же золотой!

— Такой золотой, как ты!

Она вздохнула, подняла корзину и пошла:

— Свежи-и... пирожны-ы...

Янкеле долго барахтался в канаве, среди мусора и соломы. Но вот грошик нашелся. Янкеле повеселел, стал его вытирать, и монетка опять засияла.

«Ну, ладно, — подумал Янкеле, — пускай считается не золотой, все равно я куплю, хоть не целое, хоть кусочек».

И он снова побежал за Ханой:

— Дай... кусочек...

Хана, не оборачиваясь, ответила:

— Что я, резать буду? Что это тебе, колбаса?

Но Янкеле не отставал. Ничего, он будет за ней ходить, ходить, ходить, и, когда она устанет, и сядет, и начнет есть пирожное, тогда он купит у нее на грош.

Он все шагал за Ханой. Она переходила на ту сторону улицы, и он переходил на ту сторону улицы. Она постояла у аптеки, и он постоял у аптеки.

Она кричала:

— Свеженьки... сдобненьки...

И ему хотелось кричать:

— Свеженьки... сдобненьки...

Она его не видела. А он все время видел ее выцветшее синее платье, изогнутую спину и темные пятки — то одну, то другую, то одну, то другую... Солнце печет, Янкеле выскочил без шапки, он устал, но он все шагает за вкусной корзиной, точно привязанный, по Виленской улице...

Но вот улица кончилась. И там, на пустыре, возле речки, Хана остановилась, опустила корзину, зачерпнула воды, умылась и села в тень.

Янкеле, сжимая грошик, притаился в кустах.

Хана откинула марлю, которой были покрыты пирожные, порывалась в них, достала одно и стала его есть, запивая водой.

Янкеле шевельнулся: пора, а то она все съест, и опять ему ничего не достанется!

Он вышел из-за кустов. Хана испугалась и перестала жевать.

— Кто это?

— Это я, — сказал Янкеле, протягивая монетку, — ну все равно, пусть не золотой, дай маленький...

— Что я тебе, резать буду? — повторила Хана.

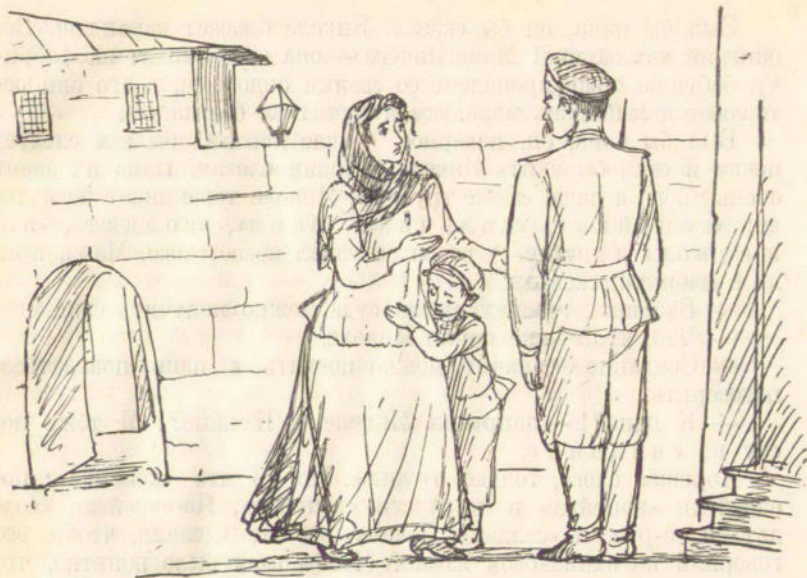
— А ты от своего...

И вдруг он увидел, что в руках у нее вовсе не пирожное, а кусок черного хлеба — горбушка. Он замолчал и усталился на горбушку, будто никогда не видал. Хана сказала:

— Иди, иди, покупатель!

Янкеле поплелся по дороге. Его обогнал фазтон Геноха. Спереди, на мягком сиденье, развалился Моник, и Янкеле не стал прицепляться.

Он пришел домой и лег, потому что когда спишь, ничего не чувствуешь. Во сне кулак его разжался. С легким стуком упал и покотился куда-то золотой грошик.

СВИДАНИЕ

Холодно! Зато какие красивые цветы на стекле! Это мороз нарисовал. Янкеле так не умеет. А наверное, где-нибудь на самом деле растут такие...

Янкеле подышал на цветы, «оттаял» дырочку и смотрит во двор. Там мальчишки лепят из снега городского. Сразу видно — городской: толстый, шашка на боку и погоны из двух щепок...

Дырочка на стекле затягивается. Янкеле дышит на пальцы, раскладывает на столе цветные карандаши и задумывается. Что рисовать? Домá он уже рисовал, зверей тоже, людей тоже... Что еще есть на свете?..

Был бы папа, он бы сказал. Янкеле бросает карандаш. Без папы ай как скучно! Маме ничего — она себе уходит на фабрику, бабушка тоже пропадает со своими бидонами, а его они оставляют целый день мерзнуть и мучиться без папы...

Был бы папа, он, наверное, сейчас истопил бы как следует печку и стал бы учить Янкеле русским словам. Папа их знает очень много и даже самые трудные. Янкеле тоже знает несколько: «копейка», «мальчик», «баня», «солдат», «пошел вон» и другие. А вчера он узнал новое слово. Мама, придя с фабрики, сказала:

— Бабушка, говорят, после суда можно получить свидание.

— Что, что? — не понял Янкеле.

— Свидание — значит, можно поехать к папе повидаться, поговорить.

— К папе?! — запрыгал Янкеле. — К папе?! Я тоже поеду на свидание.

Хорошее слово, только трудное. Не то что «копейка»: по-еврейски «копейка» и по-русски «копейка». По-еврейски «солдат» и по-русски «солдат». Почему это не сделали, чтобы все говорили на одинаковом языке? Чтобы всем было понятно, что хлеб — хлеб, а стол — стол!

Янкеле берет карандаш и красным концом старательно рисует хорошее слово: свидание.

Вечером он пристает к маме:

— Когда же мы поедем на свидание?

Мама пахнет табаком. Она устало сидит на сундуке и желтыми, табачными пальцами перебирает получку. Янкеле трогает теплые деньги.

— Мама, когда я вырасту, я буду каждый день приносить получку!

Мама обнимает его и дает копейку. Янкеле прячет ее в кармашек.

— Папе отвезу, — важно говорит он. — А когда же мы поедем все-таки?

— Еще не пускают, золотко!

Янкеле берет маму за руку:

— Знаешь, отдай им получку, тогда пустят на свидание!

Мама качает головой:

— Нашей получки нехватит, Янке: им большую получку надо!

Она кладет на сундук подушку, Янке: ложится. Он закутывается с головой в одеяло.

— Ты смотри без меня не уезжай на свидание! — И поворачивается к стенке.

Приходит бабушка, но Янке не слышит. Он далеко, он поехал на свидание. Вот он уже сидит у папы на коленях и сосет большую конфету. А в одной руке у него еще яблоко! А в другой много разных денег! А папа подбрасывает его на колене, будто Янке скачет на коне... Янке смешно, конфета подпрыгивает во рту, деньги звенят, Янке смеется. Он все смеется, дергает папу за усы, будто это вожжи, и кричит: «Тату, н-но... н-н-но...» Такое хорошее свидание!

Утром он рассказывает:

— Бабушка, мне снилось свидание!

Бабушка в валенках стоит у двери:

— Вставай, котик, я ухожу!

Янке сбрасывает одеяло.

— Вот поеду к папе, расскажу, как вы меня оставляете. Я ему все-все расскажу! И про свадьбу у Мошковых, и как ты бидон опрокинула, и... и как мама таракана тогда испугалась!.. Нам с папой есть о чем поговорить! Только бы скорей пустили, а то еще все позабудешь!

Долго не пускали на свидание. Уже и зима кончилась, стало тепло, цветы на стекле пропали, снежный городской за окном похудел и покосился... В один из таких весенних дней прибежала мама.

— Янке! Бабушка! Пускают! Пришла бумага! — Она целовала Янке, она душила его.

— Пришла! — кричал Янке. — Бумага!

А бабушка, глядя на них, уголком платка утирала глаза...

В пятницу вечером мама вымыла Янке голову. Она больно скребла ногтями, но Янке терпел. Пускай папа видит, какой он чистый, и даже шея чистая! Потом собрали передачу: мама — папиросы, бабушка — теплые носки, а Ян-

келе — картинки и копейку. Получилась большая передача. В субботу встали рано и поехали. А бабушка осталась дома.

Была хорошая погода. В лужах плескалось солнце. По широким канавам катилась мутная вода. Янкеле крепко держался за маму. Они прошли через Рыбный базар, мимо синагоги, свернули на Проспект и вышли к вокзалу. Янкеле первый раз в жизни едет в поезде. Вагоны — все равно как дома, а поезд — целая улица разноцветных домов. Желтые и синие — это первый класс, там богатые. Но в третьем классе тоже хорошо, и все равно можно стоять у окна. Голые деревья, черные поля, серые избы с соломенными крышами, тень от паровозного дыма, оборванные мужики в лаптях — все это бежало назад, в Вильну... Прощел кондуктор: «Господа пассажиры, предъявите билеты!» Янкеле показал свою половинку.

— Мама, — тихо сказал он, — по-русски «билет» и по-нашему тоже «билет»!

Мама ответила:

— Правда, Янкеле... Не верится, что мы его скоро увидим!

И, когда уже приехали в тот город и подходили к тюрьме, она повторила:

— Не верится...

Мама зашла в контору за пропуском. Янкеле разглядывал высокую тюремную стену. Стена была старая, во многих местах обвалилась штукатурка, а наверху даже выросла трава. Там, за стеной, папа! Янкеле прижал к груди узелок с передачей. Сейчас исполнится его сон. Только Янкеле не будет сидеть у папы на коленях — он уже большой. Он просто обнимет папу, они расцелуются и поговорят — им с папой есть о чем поговорить. Если же папа очень захочет, Янкеле немножко посидит у папы на коленке, но недолго...

За стеной было тихо. Воробышек вспорхнул с мостовой, устроился на стене, оглянулся и — чик-чирик — полетел на тюремный двор.

— Хорошо воробейчикам! — сказал Янкеле, когда мама вышла, и показал на часового у ворот: — Это стражник, да?

— Ша, ша, Янкеле! — сказала мама.

Стражник посмотрел на пропуск, тяжелая калитка на коле-

сике с грохотом приоткрылась, они вошли — и Янкеле стало немного страшно. Сзади — высокая стена, ворота, стражник с ружьем. Впереди — большой дом с решетками на окнах и снова стражник. Янкеле крепче схватился за маму. Мама сегодня не пахла табаком, на ней было длинное нарядное платье с газовой вставочкой на груди, как у мадам Мошковой. Край мамино платье тянулся по камням тюремного двора.

Они подошли к железной двери. Там стоял стражник. Он прочитал пропуск.

— Иди, дамочка! Политические — прямо и направо!

А Янкеле он схватил за плечо:

— А паренек пускай здесь обождет!

Янкеле съежился. Мама испугалась:

— Почему здесь?

— Более одного посетителя, — ответил стражник, — к заключенному не полагается!

— Господин часовой, — сказала мама, — посмотрите на него, он же еще совсем маленький!

Она погладила серый рукав часового.

— Не могу, — ответил стражник. — Закон!

Янкеле изо всех сил вцепился в маму. Она пригнулась к нему и тихо сказала:

— Янкеле, ты же умненький, ты подождешь, да?

Янкеле смотрит вниз, на каменный пол, на громадные рыжие сапоги стражника. Как? Он не пойдет к папе на свидание? Не расскажет ему про все? Не посидит с ним, не обнимет его? Не поднимая головы, Янкеле говорит:

— Пускай меня режут на кусочки, я пойду!

Мама растерянно оглянулась на часового.

— Мадам, — сказал стражник, — вхожу в положение. Можно сделать так: один пойдет, а когда вернется, другой пойдет.

— Слышишь, Янкеле, — сказала мама, — я быстренько... А потом ты себе пойдешь...

Но Янкеле, не выпуская мамино платье, повторял:

— Я хочу к папе! Я не останусь! Я хочу к папе!

Мама вздохнула, поправила на Янкеле ремешок, косоворотку, пригладила его волосы и сказала:

— Иди! Только недолго, чтоб я тоже успела.

И вот Янкеле пошел по холодному коридору к папе. Вместе со всеми он попал в большую странную комнату. Посредине сверху донизу тянулась частая решетка. За решеткой стоял стражник. За стражником была еще решетка, и за ней — люди. Точно звери в цирке на Большой Погулянке! И вдруг Янкеле услышал такой знакомый голос:

— Янкеле!

— Тату! — закричал на всю камеру Янкеле и побежал на голос. — Тату!

За двойной решеткой стоял он — папа! Только теперь у него черная борода, коричневые штаны, куртка и круглая шапочка.

Янкеле протянул руку сквозь решетку. Папа тоже хотел продеть руку, но она не проходила между железными прутьями; он помахал ею:

— Янкеле... Янкеле... Где мама?

— Тату, она здесь... там... Мы тебе передачу принесли... Там картинки, так это от меня... А бабушка тебе велела...

— Убрать руки! — закричал стражник между решетками и подошел к Янкеле. — Ты, мальчик, по-своему не лопочи, здесь не синагога!

Янкеле спрятал руки, а папа сказал:

— Нельзя по-еврейски, Янкеле, говори по-польски!

Янкеле заговорил, как умел, по-польски, но стражник снова перебил:

— Это что за пше-пша, пше-пши?... Сказано: не разрешается!..

Янкеле замолчал. Сжимая изо всех сил холодное железо решетки, он молча смотрел на папу и вспоминал русские слова: «Солдат, баня, пошел вон, мальчик...»

Папа сказал:

— Янкеле... ничего... не плачь... Ты лучше позови маму... Она все расскажет.

Янкеле не хотелось уходить. Он все смотрел и смотрел на папино лицо, на папины руки, на папины глаза...

— Позови маму, — говорил папа, — а то скоро выгонят.

Янкеле посмотрел в последний раз на папу и побрел к выходу. Мама кинулась к нему:

— Нашел папу?

Янкеле молчит.

— Что ты молчишь? Скажи что-нибудь!

Янкеле молчит. Мама побежала по коридору. Стражник поставил ружье и добродушно спросил:

— Ну как, молодой человек, потолковали с папашей?

Янкеле молчит.

— Или онемел, — усмехнулся стражник, — на радостях?

Янкеле вдруг покраснел, отступил немного и крикнул заикаясь:

— По...шел вон!.. Солдат!..

Сел на каменную ступеньку и заплакал.

В ПЯТНИЦУ ВЕЧЕРОМ

Сначала забрали в солдаты дядю Герцке. Потом хотели забрать и дядю Рувима. Но Рувим уехал в Америку, и дома остались только мама, бабушка и Янкеле.

Бабушка часто вздыхала, жаловалась:

— Что это за дом без мужчины? Разве это дом?

Янкеле обижался:

— А я, бабушка?

— Ну, ты! Тебе ведь еще не тринадцать лет!

Янкеле с огорчением загибал пальцы: девять, десять, одиннадцатый, двенадцать... Долго еще ему не быть мужчиной в доме!

И все-таки он много помогал бабушке по хозяйству, особенно в пятницу. Потом они ждали первой звезды. Если звезда — значит уже суббота, ничего делать нельзя.

Бабушка только что вымыла пол и зажигала свечи. Янкеле посыпал сырые половицы опилками. Вдруг раздался сильный стук в дверь. Бабушка открыла, уронила спички и схватилась за косяки. В дверях стоял пристав.

— Здесь проживает мещанин Гутман Рувим... — Он заглянул в бумагу и с трудом выговорил: — Ру-вим-Пин-хус Нах-манович?

Пламя на свечах подскочило. Янкеле забился в угол между комодом и печкой. Бабушка нагнулась за спичками. Она никак не могла их нащупать.

— Здесь.

— Ага!

Загремели шпоры. Пристав вошел в комнату. Сел, сбросил снег с бороды и поставил пашку между колен. Громадные следы остались на полу, среди опилок.

— А где он сам пропадает... Ру-вим-Пин-хус Нах-манович? Бабушка засуетилась:

— Теперешние дети, господин пристав! Разве они что-нибудь скажут! Вы знаете, где они? Так и я знаю! Они же не слушаются, господин пристав!

— Мадам Гутман! — закричал пристав. — Вы плохая мать! Таких матерей сажать надо!

Он схватил с комода субботний подсвечник и поставил ближе к себе на стол.

Янкеле замер.

А пристав достал папиросы «Фру-фру», пригнулся к свечке и закурил. Как будто это обыкновенная спичка!

Янкеле ужаснулся. В пятницу вечером человек дотронулся до подсвечника! Прикурил от субботней свечи! Янкеле затаил дыхание. А что, если сейчас грянет гром, блеснет молния и вопьется приставу в грудь — туда, где болтается шнур и свисток!

Янкеле съежился. Пристав стукнул палкой:

— Один сын у вас политический преступник, другой уклонился от явки в воинское присутствие!

— Теперешние дети... — начала бабушка.

Но пристав перебил ее:

— Что вы мне толкуете: «Дети, дети!» Тут разговор короткий: или он в двадцать четыре часа явится к воинскому начальнику, или, — он затянулся и выдул дым прямо бабушке в лицо, — вы за него заплатите штраф в размере... — он еще раз затянулся, — трехсот рублей!

— Трехсот рублей? — шопотом повторила бабушка и опустилась на сундук. — Трехсот рублей?!

Она тихонько засмеялась:

— Спросите раньше, я когда-нибудь глазами видела трехсот рублей? Я только издали слыхала, что на свете бывает трехсот рублей, четырехсот рублей...

Пристав схватил с подоконника чернильницу Янкеле, снял фуражку, бросил на пол окурки и стал писать.

— Что касается описи имущества...

— Какая у нас имущества? — Бабушка махнула рукой. — Вы же сами видите, господин пристав!

Пристав почесал вставочкой нос, оглядывая комнату.

— Ну, стол... подсвечники, комод... — Вдруг он заметил большие блестящие глаза Янкеле. — А там кто прячется?

— Внучек, — сказала бабушка.

— Внучек?.. Видите, у вас не так уж мало имущества! — Пристав перечитал бумагу. — А теперь, мадам Гутман, распишитесь.

Бабушка не шелохнулась.

— В субботу мы не пишем, господин пристав. Потом, я же по-русскому неграмотная, господин пристав! А кресты я не буду!

Пристав повернулся к печке и поманил пальцем:

— Поди сюда, дезертир!

Янкеле несмело подошел к столу.

— Писать умеешь?

Янкеле молча мотнул головой.

— Подпишись!

Подпишись? Янкеле не верил своему счастью. Его просят подписаться, как большого! Он еще никогда по-настоящему не подписывался!

Вдруг он вспомнил: ведь сейчас уже суббота, писать нельзя.

Он растерянно оглянулся на бабушку. Та кивнула: «Ничего, котик, не бойся!»

Пристав показал толстым пальцем:

— Здесь!

Янкеле осторожно взял перо, наполнился гордостью и медленно вывел большими буквами: «ГУТМАНЪ». И от твердого знака такой хвостик пустил, как полагается на подписи. Получилось хорошо, даже сам пристав похвалил:

— Молодец!

Он забрал свои бумаги, пашку, фуражку и ушел. Только следы свои оставил на полу...

Янкеле стал укладываться. Бабушка молча сидела у стола. Янкеле босиком, в одной рубашке подошел к ней:

— Бабушка, ты не скучай, я знаю!

— Что ты знаешь, Янкеле?

— Я знаю, — он обнял ее, — мы не дадим ему эти триста рублей, и нас посадят в тюрьму, и мы тогда будем вместе с папой!..

Бабушка улыбнулась. Янкеле прижался к ней.

— А это ничего, что я в субботу подписался?

— Ничего, — ответила бабушка, — тебе ведь еще не тринадцать лет!

Янкеле успокоился и лег. Оказывается, иногда даже лучше, когда тебе нет еще тринадцати лет!

Он долго ворочался на своем сундуке, потом повернулся лицом к бабушке:

— Вот ты все жалуешься, что нет мужчины в доме. А кто бы тогда подписался, если бы не я?!

Он скоро заснул. Бабушка долго прислушивалась к его дыханию. Он спал крепко и даже всхрапывал, как настоящий взрослый мужчина после длинного трудового дня.

КАЗАКИ

Все зарабатывают на кусок хлеба. Бабушка разносит молоко. Мама работает на табачной фабрике Финкельштейна. Юзефа — нянька у Мошковых. Только папа не зарабатывает — он же сидит! А Янкеле стал почтальоном. Это Юзефа дала ему письмо и сказала:

— Яненко, ты уже научился по-русски?

— Немножко, — ответил Янкеле.

— Будь ласков, отнесешь это письмо по адресу: Первая казачья сотня, нижнему чину Емельяну Чернохлибу. Будешь моим почтальоном!

— Казаки?! — перепугался Янкеле.

— Глушенький! — уговаривала Юзефа. — Они ж добрые. Ну, будь ласков! Вот тебе на конку, мой почтальон.

«Почтальон» спрятал пятак, натянул до ушей шапку с «почтой» и вышел на улицу, где конка. Скучное солнце висело над Вильной. Пара тощих лошадей медленно тянула конку. Мальчишки, прячась от кондуктора, прыгали на подножку. Янкеле это понравилось — он тоже повис. Ехать далеко — до Погулянки. Янкеле там был один раз, еще когда папа не сидел.

— Паршивец, ты сегодня прыгнешь или нет?

Кондуктор сорвал шапку с Янкеле. Письмо упало на булыжник. Янкеле подобрал шапку, почту и прицепился к следующей конке. Так он доехал.

Здесь хорошо! Налево тихая Вилия, вдаль лес, а направо зеленое поле. А там, неподалеку, казармы. По полю скакали казаки. Который из них Чернохлеб? Ведь они все одинаковые! На всех широкие синие штаны с красными полосами, сабли, пики; толстые канчики¹ и светлые чуприны² под фуражками. Одни, блестя саблями, на полном скаку рубили расставленные по полю гибкие палки. Другие длинными пиками кололи чучела, похожие на толстых торговков с Рыбного базара. Даже страшно становилось, когда пика влезала в соломенный живот! А лошади легко-легко касались копытами земли. Сразу видно — настоящие казацкие лошади, не то что коночные клячи!..

Заиграла труба. Казаки соскочили с седел и повалились на траву покурить. Янкеле робко стоял на краю поля. Они могут еще стегнуть канчиком! Письмо шуршало под шапкой. Он хотел подойти поближе и не мог — боялся! Но вот один казак мотнул чуприной:

— Тебе чего, хлопец?

Янкеле побледнел.

— Господин казак, чи вы не знаете, кто есть нижний чин... господин Черно... Чернохлеб?

— Эвон сидит, сало жрет, другим не дает! Иди к нему, не бойся...

Чернохлеб обернулся. Он был красивый: румяные щеки,

¹ Канчик — плетка, нагайка.

² Чуприна — чуб, клоч волос.

тонкие брови, усы двумя золотыми колечками... Недаром он понравился Юзефе. Янкеле отдал ему «почту». Чернохлиб вытер губы и долго, по складам, читал письмо — Янкеле и то лучше читает! Потом он сунул письмо в сапог, покрутил ус и улыбнулся. Глаза у него были синенькие.

— Добре, хлопчик! — Он достал пятак. — Держи!

Другой казак спросил:

— Як тебе зовут? Янкель? Сидай с нами, Янкель!

Третий казак хлопнул Янкеле по плечу:

— Янкель, пойдешь к нам в казаки?

Янкеле перестал бояться. Казаки ему понравились. Он отвечал на все вопросы, а потом даже сам спросил:

— Дяденьки, а зачем вам эти канчики?

Казаки засмеялись:

— То не канчик, а добрая казацкая нагайка. Пощупай!

Янкеле пощупал.

— Чобы лошадок погонять?

— Лошадок! — усмехнулись казаки. — Конь и так пойдет, он повода слушается.

Тут снова заиграла труба. Казацкий офицер закричал:

— По ко-о-ням!

Чернохлиб сел на коня.

— Янкель, приходи завтречка, я ответ отпишу!

И понесся к остальным казакам.

Так Янкеле подружился с казаками. Он сделал себе саблю и казацкую нагайку. Если есть доска и веревка, это совсем нетрудно. И с азартом мчался на лихом «скакуне» по двору. И с грохотом рубал бабушкины бидоны доброй «казацкой саблей».

— Бабушка, я не буду почтальоном, я буду казаком! — И бах по бидону, бах!..

А по ночам, пугая маму, бормотал: «Чернохлиб... По ко-о-ням...»

С заработанными пятаками Янкеле пошел в магазин. Маленькая продавщица уговаривала покупателей. Янкеле показал ей пятаки и выбрал тетрадь для рисования. Замечательная тетрадь, из толстой бумаги, на синей обложке красивыми буквами напечатано: «Тетрадь для рисования, учени — точ-

ки, точки — класса». Потом он увидел пистолет. Хороший черный пистолет, с коробочкой красных пистонов впридачу.

— Дайте тетрадь и пистолет.

— Денег нехватит, мальчик.

Столько денег нехватит?! Янкеле задумался.

— Ну, дайте тетрадь! — Он пошел к кассе и вернулся. — Нет, пистолет. — А через минуту опять прибежал: — Нет, тетрадь, тетрадь!

Сам над собой засмеялся и пошел платить — и еще осталось на красно-синий карандаш.

На первой странице он нарисовал казака. Красно-синим карандашом хорошо их рисовать. Штаны — синим, перевернул карандаш, полосы на штанах — красным. Верх фуражки — синим, опять перевернул, низ — красным. Саблю — синим, нагайку — красным, лицо — красным, глаза — синим...

Он долго рисовал. Стало темно; бабушка зажгла лампу. Пришла мама. От нее пахло табаком.

— Бабушка! — сказала мама, снимая платок. — Конечно, мы бастуем! И кожевники тоже. Они мучаются не меньше нас!

— Вы хотите быть сильнее Николая Второго! — вздохнула бабушка.

— Бабушка, больше терпеть невозможно! Он себе наживает, а мы наживаем чахотку. Мы ж его спросили: «Финкельштейн, толстая собака, вы согласны на десять часов работы? Нет? Так мы бастуем!»

Янкеле бросил карандаш и стал тереть глаза:

— Я тоже хочу бастовать!

Мама обняла его:

— Золотко, спать ложись! — И, отвернувшись от Янкеле, долго кашляла.

Утром пришла соседка, тоже табачница. Янкеле встрепенулся и схватил маму за платье.

— Куда ты идешь? Я знаю, ты идешь бастовать!

— Пусти, золотко, мы на базар!

Она вырвалась, захлопнула дверь и повесила с наружной стороны замок. Янкеле заревел и стал колотить ногами и «казацкой саблей» по двери. Потом он подтащил к окну табуретку,

взобрался на подоконник, откинул крючок и толкнул раму. В комнату ворвались гнилые запахи двора, залетели большие зеленые мухи. Под окном была ржавая крыша сарайчика. Янкеле перебрался на сарайчик, спрыгнул на землю и побежал искать маму.

Он долго бегал по улицам. На Георгиевском проспекте он увидел черную толпу. Ну да, это табачники и табачницы собрались бастовать около богатого, со львами и балконами, дома Финкельштейна! Янкеле забрался в толпу и, расталкивая бесчисленные ноги, кричал: «Мама! Мама!»

Табачники говорили между собой:

— Депутаты уже давно у Финкельштейна!

— Интересно, что он теперь ответит, этот эксплуататор! Мальчик, чего ты здесь пихаешься?

— Мама! — ответил Янкеле, выбрался из толпы и увидел городских.

Они кричали: «Разойдись!» Но толпа не расходилась. Наоборот, подошли еще рабочие. От них пахло кожей — это были кожевники. Каменные львы с финкельштейновского дома оскалили пасти на толпу. Все ждали, что ответит Финкельштейн.

Янкеле хотел еще раз крикнуть: «Мама!», но тут со стороны Погулянки донесся стук подков.

Раздались звуки трубы, и затем сразу Янкеле увидел лошадиные головы, блестящие казацкие сабли, синие с красным казацкие штаны.

Янкеле сначала испугался. Потом он обрадовался.

Сейчас он найдет Чернохлиба, он ему все расскажет про Финкельштейна. Пускай он задаст канчиком этой толстой собаке!

Янкеле оглянулся. Кожевники, табачники — все разбежались в разные стороны. А стук подков становился все громче, уже видны были светлые чуприны казаков и острые лошадиные уши...

Вдруг Янкеле увидел маму. Платок она где-то потеряла, черные волосы растрепались и висели космами, глаза стали большими. Она подбежала к Янкеле, больно схватила за руку и потащила.

Янкеле вырывался:

— Мама, не бойся, не бойся же!..

Он услышал над собой сильное дыхание лошади.

Резкий удар обжег голову Янкеле. Казачья нагайка била по нем, по маме, по всем бегущим. «Не надо!» кричал Янкеле. Они свернули в переулок...

Дома мама легла. Бабушка прикладывала ко лбу Янкеле мокрое полотенце. Прибежала Юзефа.

— Яненко, коханий, шо с тобой?

Янкеле вскочил, сбросил полотенце, бинулся к тетради, выдрал первый лист с красно-синим казаком и стал в ярости рвать его на кусочки и топтать ногами.

— Зачем я тогда купил эту тетрадь! — плакал он. — Лучше бы я тогда пистолет купил!

Бабушка качала головой:

— Вы хотите быть сильней Николая Второго! Это же неслыханная вещь!

ДЯДЯ ГЕРЦКЕ

Дядя Герцке был молодой и веселый, он знал много хороших песен и всегда напевал: «Лопни, но держи фасон!»

По вечерам он приходил грязный, усталый, и Янкеле поливал ему из тяжелой медной кружки, а дядя командовал:

— Крантиком! Дождиком!

Потом он переодевался, чистил слюной штиблеты, брал свою тросточку с ремешком на конце и говорил:

— Яшкец, пойдем!

Они выходили на главную улицу, где иллюзион. Там показывали драмы в шести частях и комедии. Янкеле и Герцке больше любили комедии и смеялись до слез, когда у Макса Линдера лопались брюки или он сваливался в бочку со сметаной.

Потом они катались на конке, потом заходили в Дворянский сад. Там духовая музыка, танцы, и дядя Герцке танцевал с Ядвигой «Варшавский вальс».

Потом дядя угощал их семечками, а то и мороженым. Хорошая, счастливая была жизнь! «Почему папа не такой, как Герцке?» часто думал Янкеле. Он тогда не сидел бы в тюрьме, он бы тоже смотрел драмы и комедии, тоже танцевал бы вальс и тоже напевал бы веселую песенку:

Есть в Париже выражение:

Се са, се са...

Это значит удивление —

Се са, се са...

Вдруг все кончилось. От воинского начальника пришла повестка: Герцке надо явиться. Герцке явился и там, у начальника, услышал страшное слово: «Годен».

Доктор сказал: «Годен»; начальник сказал: «Годен»; на билете напечатали: «Годен»; везде Герцке мерещились черные буквы: «Годен».

А через месяц бабушка и Янкеле уже провожали дядю Герцке на станцию. Он брел с сундучком на плече посредине улицы. Он был не один — с ним было еще много народу с сундучками. Все шли, опустив головы, будто все потеряли что-то на булыжной мостовой и не могут найти.

Спереди и сзади шагали настоящие солдаты, с ружьями. Кто-то пел, кто-то играл на гармошке, женщины плакали, а бабушка и Янкеле тихо шли по деревянному тротуару. Они то и дело спотыкались, потому что все время смотрели вбок, на Герцке. А Герцке оглядывался на них и невесело улыбался. Они хотели подойти к Герцке, но солдат с ружьем сказал:

— Нельзя!

Потом все с сундучками полезли в товарные вагоны, плач стал громче, паровоз засвистел: «Го-о-ден», колеса застучали: «Го-ден, го-ден, го-ден...» Веселого дядю Герцке увезли в солдаты!

Без него стало скучно и пусто. Но понемножку Янкеле все-таки стал его забывать, потому что проходили недели... месяцы... Только через полгода, пробравшись в Дворянский сад, он вспом-

нил дядю. Вдруг он увидел Ядвигу — она танцевала с чужим кавалером польку-мазурку. И Янкеле убежал.

Через год, когда прибирались к пасхе, Янкеле нашел в сундуке лакированную тросточку с ремешком на конце и снова вспомнил про дядю. Как ловко он вертел ее двумя пальцами!

Пасха была невеселая. Папа — в тюрьме, мама — в больнице, Герцке — в солдатах. Бабушка и Янкеле одиноко сидели за праздничным столом. Вдруг стукнула дверь, на пороге появился высокий бородатый солдат. Янкеле испугался. Солдат схватил его и бабушку и стал душить. Янкеле закричал, а бабушка заплакала:

— Как ты похудел, как почернел! Что они с тобой сделали?

Это был Герцке! Он расшиб на маневрах колено, и его послали домой, на испытание.

Янкеле отвык от дяди, стеснялся и говорил ему «вы»:

— А где у вас ружье? А вы можете из шинели такой хомут сделать, как у всех солдат? А кокарда у вас серебряная или так только?

Но, когда солдат Герцке побрился, скинул сапоги, и портянки, и ремень, и шаровары, лег и укрылся одеялом, он снова стал дядей Герцке. Янкеле перестал стесняться. Они легли вместе, как раньше, и Герцке шопотом рассказывал ему, как ротный дрался кулаком, а полуротный ладонью и как обучали разговору: «Так точно, ваше благородие», «Не могу знать, ваше благородие».

— А генералом, Герцке, ты будешь? — спрашивал Янкеле.

— Чего захотел — генералом!

— А полковником?

— Нет, ни полковником, ни даже ефрейтором, а так и буду, какой есть: нижний чин.

— Почему нижний?

— Значит, ниже всех.

— Почему ниже? Ты ведь высокий!

— Спи! — сказал Герцке. — Спать команда была!

Янкеле повернулся к стенке, долго лежал с закрытыми глазами, потом снова задвигался:

— А в иллюзионе новая комедия: «Тетя Пуд и дядя Фунт».

— Тетя Пуд? — улыбнулся Герцке. — Завтра сходим обязательно.

Янкеле заснул счастливый. А когда проснулся, в комнате было полно народу. Пришла галантерейщица Хана, сапожник Коткес, фельдшер Лева — «Скорая помощь». Лева долго щупал Герцкино колено, потом сказал:

— Вам повезло, Герцке, вы, кажется, всерьез охромели.

Бабушка засияла всеми морщинками:

— Я же знала, что он у меня удачник!

Только к вечеру Янкеле удалось вытащить дядю из дому. Они пошли по главной улице, как в доброе старое время. Правда, солдат Герцке — это уже не прежний веселый дядя Герцке. Он не вертел тросточкой, не напевал: «Лопни, но держи фасон!», он шел медленно, чуть припадая на левую ногу, и то и дело отдавал честь проходящим офицерам.

У входа в иллюзион Янкеле дернул дядю за мохнатый рукав:

— Офицер!

Герцке поднял было руку, но сразу же опустил ее:

— Дурачок, это же простой швейцар!

Янкеле виновато засмеялся, взял у Герцке денег, прошел мимо швейцара в ливрее с галунами и купил два билета в ложе — все-таки не каждый день приезжают дяди-солдаты!

В ложе у барьера сидел важный офицер с дамой. Герцке отдал честь и тихонько уселся сзади, но тут офицерский стул заскрипел, шпора звякнула, офицер обернулся и тоже заскрипел:

— Нижним чинам здесь, предполагаю, не место!

Появилась билетерша:

— Солдатик, твое место там, на галерке. Сюда тебе нельзя.

На экране уже прыгали и кривлялись дядя Фунт и тетя Пуд.

— Герцке, — сказал Янкеле, стараясь не заплакать, — поедем лучше... в Дворянский... сад...

Они вышли на улицу и подбежали к конке. Кондуктор в окне закричал:

— Нижний чин, не цепляйся! Не видишь — площадка забита!

— Дяденька, вагон же пустой!

— Нижним не дозволяется!

Он свистнул, замученные лошади дернули, облупленная конка покатила по рельсам.

Янкеле опарашенно оглянулся на дядю. Герцке уныло стоял посреди улицы, поминутно озираясь, не проходят ли офицеры. Тускло блестела кокарда, из-под шинели высовывались кривые носы солдатских сапог, на плечах зеленели солдатские погоны.

Он бодрился:

— Ничего, Яшкец, мы живо дойдем! По-военному! Полк, становись! Ра-авняйсь! Выше головки! Убрать брюхо! Ешь глазами начальство! Шагом-арш! Ать-ва, ать-ва!

И «полк» зашагал: ать-ва, ать-ва, ать-ва...

За высоким забором Дворянского сада гремела музыка — играли знакомый «Варшавский вальс». У ворот висела ржавая вывеска:

ВОСПРЕЩАЕТСЯ:

- а) Хождение по газонам.
- б) Распитие спиртных напитков на траве.
- в) Прогуливание собак.
- г) Нахождение нижних чинов как в одиночку, так и более.

Раньше они ее даже не замечали. Янкеле закусил губу, Герцке потоптался на месте, сплюнул, потом хлопнул Янкеле по плечу:

— Э, была не была! Лопни, но держи фасон, Яшкец!

Он приосанился, подровнял фуражку, чтоб кокарда была против носа, подтянул ремень, обдернул шинель, расправил плечи и прошел через ворота. А Янкеле — за ним.

Дружелюбно шелестели знакомые липы. Вот любимая скамейка — теперь она не зеленая, а серая. Вот будочка, где

всегда пили «дедушкин» квас; там другой продавец, неприветливый. Вот площадка для танцев, вот раковина для духовых музыкантов...

Янкеле потянул Герцке за рукав:

— Кто это, Герцке?

— Где?

Вдали, в глубине аллейки, двигался толстый старик с длинными белыми усами, с белой расчесанной надвое бородой, с красными полосами на синих штанах, с медалями, эполетами, крестами и шнурами. На нем была серая шинель на малиновой подкладке, в руках — короткий гибкий хлыст. Рядом, по песку, катился малюсенький белый песик на цепочке.

— Собачка! — обрадовался Янкеле. — Значит, ничего, можно. А кто это, тоже швейцар?

Но Герцке не слушал его. Герцке шагнул к танцевальной площадке, поднял руку и крикнул негромко:

— Ядвига!

Янкеле оглянулся.

На площадке в нарядном, блестящем платье, в лакированных туфельках, освещенная луной и газовым фонарем, стояла Ядвига. Рука ее в перчатке до локтя лежала на плече франтоватого кавалера.

Она посмотрела вниз, на темную аллею, поискала глазами Герцке, нашла его и долго разглядывала кокарду, погоны, сапоги... Но вот снова грянула музыка, кавалер сказал что-то, подхватил Ядвигу, закружил, она засмеялась и пропала в толпе танцующих...

Янкеле боялся взглянуть на Герцке. Вдруг сзади что-то рывкнуло:

— Смирно-о! Устава не знаешь!

И тоненьким, противным голоском залаяла собачка.

Это был не швейцар — это был настоящий «полный генерал»!

Он был красный, красней своей малиновой подкладки, он топал ногами и, брызгаясь слюной, кричал:

— Во фрунт! Во фрунт за двадцать шагов! — и вдруг, подняв хлыст, полоснул Герцке по больной ноге.

Янкеле обмер. А Герцке стоял вытянувшись, бледный как бумага, и, не мигая, точно слепой, смотрел на генерала. Худая рука, отдающая честь, мелко-мелко дрожала около козырька солдатской фуражки. Левая нога его не выпрямлялась.

— Как стоишь, мерзавец?! Издеваешься?! — И генерал снова хлестнул Герцке по колену.

Янкеле вдруг завизжал, кинулся к генералу и всеми зубами впился в генеральскую ногу — там, где красная полоса. Нога дернулась, обернулась острым носком и отшвырнула Янкеле к железной ограде танцевальной площадки. Он остался лежать, уткнувшись головой в песок. Он хотел позвать Герцке, но что-то душило его, рот не слушался, и получалось точно мычание:

— Ге... гы... ге...

**

Янкеле заболел. Его лечил Лева — «Скорая помощь». Он сказал, что у мальчика мудреная болезнь, называется нервный шок.

— Пускай шок, — говорила бабушка, — но почему он заикается?

Этого Лева — «Скорая помощь» не знал и вылечить не сумел. Янкеле так и остался заикой.

«ЗЕМНОЙ РАЙ»

Янкеле много рисовал. Сапожник Коткес попросил его:

— Янкель, нарисуй мне сапог, я его в окне вывешу. А тебе за это набойки поставлю, губернаторские!

Янкеле нарисовал чернилами сапог, провел по голенищу черту мелом, что означало блеск, и подписал, как просил Коткес, по-русски:

ПОЧИНЯЮ МУЖЕСКИЙ И ЖЕНСКИЙ ОБУФЬ.

Потом явилась галантерейщица Хана. Она заказала плакат: пудровая гиля висит на нитке, а нитка не рвется. И подпись:

ДЕШЕВШЕ НЕТ И НЕ ИЩИТЕ!

На этом заказе Янкеле заработал семь копеек. Слава его росла.

Во дворе заговорили:

— Вы видели, какой он сделал Коткесу сапог? У простой табачницы, у Двойры, такой способный мальчик, такой талант!

Слух о Янкеле дошел до оптовой бакалейщицы мадам Мошковской.

В субботу она велела прислуге Юзефе привести Янкеле.

Янкеле пошел с Юзефой. Вот он осторожно ступает по скользкому полу. Какой он чистый, этот пол! Янкеле никогда не думал, что полы, по которым целый день ходят ногами, могут так блестеть! А вот там какие-то деревья в бочках, прямо в комнате. А на стене висят тарелки!

— Юзефа, зачем тарелки на стене, точно карточки? А что там за шуба на полу?

— Это не шуба, — засмеялась Юзефа, — это белый медведь!

— Разве бывают белые? — удивился Янкеле.

— Тише, Янек, обожди здесь, я пойду скажу.

Янкеле остался один. Было тихо. Где-то важно тикали часы. Медвежья голова скалила пасть и сверкала стеклянным глазом. Янкеле стало не по себе: непонятный такой медведь — белый!

Вдруг скрипнула дверь, и показался Моник, младший сын Мошковской. На нем был синий матросский костюм с белым воротничком.

Моник долго смотрел черными неподвижными глазами на Янкеле, потом засунул палец в рот и сказал:

— А ты не знаешь, зачем я пришел!

— Нет, — признался Янкеле.

— Меня мама прислала смотреть, чтобы ты ничего не стащил.

Янкеле покраснел и тихо сказал:

— Я лучше уйду. Где тут уходят?

Он повернулся к двери. Но мадам Мошковская уже двигалась ему навстречу. Шелестело темное шелковое платье. Седые волосы просвечивали сквозь черные кружева платка. Она со вздохом опустила на стул:

— Монечка, иди к себе! — и стала в упор разглядывать

Янкеле, как и Моник, не мигая. — Так это ты и есть знаменитый Янкеле Сарры-Двойры, табачницы? Ты на самом деле замечательно рисуешь?

— Не знаю, — ответил Янкеле, и ему захотелось домой, к бабушке.

— У меня для тебя большой заказ, — сказала Мошковская. — Вот! — Она взяла со стола книжку и стала перелистывать ее короткими пальцами. — Посмотри на эту картинку. Нравится?

Янкеле посмотрел: нарисован волк, и овечка, и лев, и другие звери, и девочка — и все они идут рядышком. И подписано: «Земной рай».

— По-моему, — тихо сказал Янкеле, — так не бывает, чтобы вместе волк и овечка...

— Но так будет! — подхватила мадам Мошковская, поднимая глаза к потолку. — «Волк будет жить вместе с агнцем, и леопард будет лежать вместе с козленком», так сказал пророк Исаия. Это будет, когда все люди станут праведниками. Понятно тебе?

Янкеле хотел спросить, что такое «агнцем», но не решился и ответил:

— Понятно.

«Земной рай» ему понравился. Тогда, значит, собаки не будут кусаться, как сейчас Володькин Пират. И мальчишки не будут швыряться камнями...

— Так вот, — продолжала мадам Мошковская, откинувшись на спинку стула, — сможешь ты срисовать «Земной рай» на большой лист?

— Попробую, — неуверенно ответил Янкеле.

Он прибежал домой взволнованный.

— Бабушка, Мошковска заказала мне «Земной рай»! Никто не будет кусаться, даже собаки, понимаешь?.. А на стене у нее тарелки, будто карточки!

Он разбил картинку на маленькие клетки, а бумагу — на большие и с жаром взялся за работу. Ведь если получится хорошо, мадам Мошковская повесит «Земной рай» на стенку, и все будет спрашивать:

— Кто вам нарисовал такую замечательную картину?

А мадам Мошковская будет отвечать:

— Разве вы не знаете? Это же Янкеле Сарры-Двойры, табачницы, тот самый, который сделал Коткесу сапог с блеском!

Он работал все воскресенье и весь понедельник. Он плохо ел, плохо спал и все спрашивал у бабушки, хорошо ли.

— Очень хорошо! — отвечала бабушка. — Даже лучше, чем в книжке!

Во вторник утром он уже дорисовывал последнюю клетку.

С будущим сердцем он постучался в обтянутую кожей дверь Мошковских.

— Кто там?

— Это я, Юзефа. Я принес «Земной рай».

— Барыни нет, она в магазине.

Что ж, это недалеко, на углу Завальной. Янкеле пошел в магазин. Там было полутемно, вкусно пахло непонятными вещами, вдоль прилавков тянулись мешки с сахаром, с крупой, на полках желтели ящики.

Покупателей было много. Около больших весов стояли крестьяне в лаптях, Мендель, старший сын Мошковской, и сама мадам Мошковская. Она тыкала коротким пальцем в мешок, стоявший на весах, и говорила:

— Дай мне бог здоровья, что за чудная крупчатка!

И вдруг, обернувшись, скороговоркой сказала по-еврейски:

— Мендель, подмешай ему из того мешка, где кукурузная... — и продолжала по-русски: — Дай мне бог каждую пятницу иметь халу из такой крупчатки...

Янкеле выступил вперед и перебил ее:

— Вот... я принес... «Земной рай»...

Мадам Мошковская оглянулась, красная, вспотевшая, и, увидев Янкеле, еще больше покраснела.

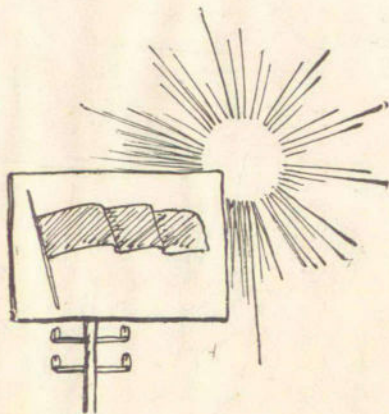
— Ты зачем пришел? Мне сейчас некогда!

— Вы же сами... в субботу... просили...

— Так ты и пришел бы в субботу. А то здравствуйте, в базарный день, во вторник, когда самая торговля, он пришел со своим раем! Мендель, дай ему орешков, пусть идет.

И Мендель выставил Янкеле за дверь.

Про Едрина
Закна

ЗВЕРИНЕЦ

Моим первым учителем по рисованию был живописец вывесок Ефим Зак.

Его яркие вывески украшали наш скучный городишко.

Для портных он рисовал длинных, тонких дам в невероятно пышных туалетах. У нас таких нарядных дам никогда не было. Мне казалось, что это всё графини или принцессы.

Парикмахерам он изображал широкоплечих, краснощеких франтов с усами, цилиндрами и тросточками. Усатые франты презрительно поглядывали на убогие наши улицы. Я был уверен, что это министры или, по крайней мере, купцы первой гильдии.

Часами я разглядывал вывески Ефима Зака. По ним я учился читать и писать.

Однако всю силу его таланта я понял только тогда, когда к нам приехал «Тропический зверинец братьев Рабинович».

Сначала приехал старший Рабинович. Он заявил:

— Для развертывания нашего тропического зверинца необходимо большое и художественно разрисованное помещение.

Он стал осматривать город. На Базарной площади возвышался длинный просторный амбар сеноторговца Антонова. Но стены его были разрисованы разве только ругательными словами.

Аптекарский ученик Цирельсон, член Общества покровительства животных и большой любитель привязывать к кошачьим хвостам пустые жестянки, сказал:

— Послушайте, а Ефим Зак на что?!

Все обрадовались:

— Правильно, Ефим Зак!

— Конечно, Ефим Зак!

— Обязательно Ефим Зак!

К живописцу отправилась делегация:

— Так и так, господин Зак, приедет зверинец, надо разрисовать антоновский амбар.

— Я согласен, — ответил живописец. — Мне надоели портные «из Варшавы» и сапожники «из Парижа». Но что скажет Антонов? Он хозяин, не я!

Пошли к сеноторговцу. Антонов, как и полагается купцу, сидел за самоваром.

Он удивился:

— Какой может быть зверинец в нашем уезде?

— Тропический!

— Тропический?! — Он вынул изо рта мокрый кусочек сахара и положил на блюде. — А разрешение от полицмейстера?

— Вот оно! — сказал Рабинович.

— А зачем нам зверинец? Конечно, амбар у меня сейчас порожний, но звери нам ни к чему. Вот есть у меня Шарик, хватит!

Шарик гремел цепью и скулил под окном.

— Что вы сравниваете? — обиделся Цирельсон. — Лев, царь

зверей, и какая-нибудь Жучка или даже Шарик! Мы ведь ваш амбар разрисуем, картинку из него сделаем!

— Ладно! — махнул рукой купец. — Только мне двадцать контрамарок, а еще, как взойду, чтобы лев поднимал лапу.

Пришлось все обещать.

Ефим Зак взялся за работу.

Через несколько дней зверинец открылся. У разрисованного входа стоял и зазывал один из Рабиновичей:

— А вот чудо природы, звери различной породы! Не дерутся, не кусаются, на посетителей не кидаются. Детям забава, взрослым наука, билет гривенник штука!

Я выпрашивал у матери гривенник. Она ругалась:

— Вот еще зверинец на мою голову! Нету денег, нету! Придет отец, он тебе покажет зверинец ремнем!

Я терся у входа, но Рабинович отпихивал меня своей толстой рукой, продолжая выкрикивать свою «зазывалку».

Я обошел амбар со всех сторон, разглядывая расписные стены. Все краски, какие только были у Ефима Зака, легли на стены антоновского амбара удивительными животными.

Там были замечательные лиловые львы с ярко-зелеными гривами и оранжевыми хвостами. Свиристые красные тигры с черными полосами раскрывали багровые, как огонь, пасти. Синие обезьяны висели в фантастических позах на причудливых тропических деревьях. Великолепные желтые слоны с непомерно длинными хоботами стояли в голубой пустыне. Пестрые, в крапинку, крокодилы высывали из небесно-синей воды зубастые челюсти.

Тропические звери сводили меня с ума. Пять раз обошел я амбар справа налево и слева направо — нигде ни щелочки, ни дырочки! Я поплелся домой. Потом мама послала меня за хлебом. Я взял корзинку и вышел на улицу. Ноги сами собой привели меня к Базарной площади. Завидев разрисованные стены, я не выдержал: пускай ругают, пускай без хлеба, пускай ремнем — теперь все равно!

Я купил билет и прошел в зверинец.

Там было полутемно и душно. Постепенно я стал различать клетки и надписи на них.

Вот самая главная надпись: «Царь зверей — африканский лев». Под ней, за решеткой, в темном углу спал и сам «царь» — дряхлый, облезлый лев с вытертой гривой, худой и невзрачный.

В клетке рядом скучала обыкновенная рыжая кошка, над ней была надпись: «Не дразнить — карликовый тигр».

В клетке с надписью: «Слон временно заболел», сидели два зайца.

Еще там был «кровожадный орангутанг» — забитая мартышка, вроде тех, что вытаскивают «счастье» у шарманщиков.

Под вывеской «Белый арктический медведь» сосал лапу бурый медвежонок. А вместо «сибирского волка-материка» по клетке металась лохматая дворняга.

Помню, я чуть не заплакал и побежал к выходу. Там стоял Рабинович.

— Меня за хлебом послали... а я сюда... Отдайте деньги... Я не знал...

— Что? — Рабинович засмеялся, потирая руки. — Проваливай, не то брошу тебя льву в клетку!

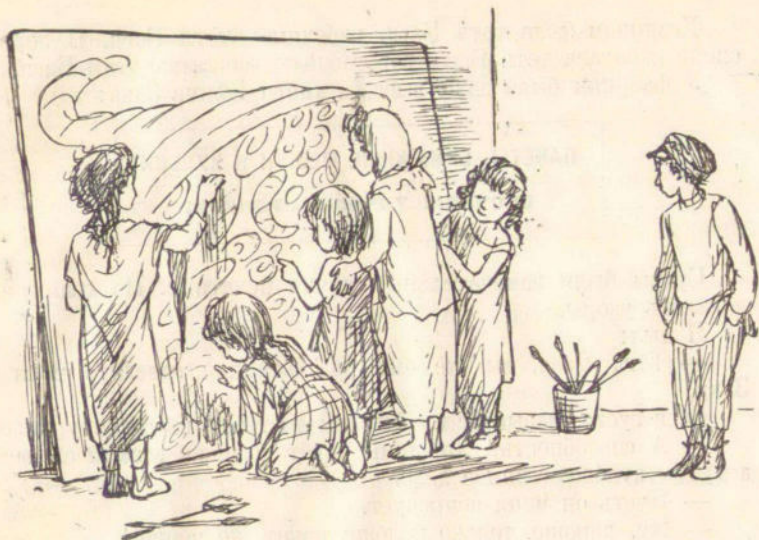
Я закричал:

— Разве это лев?! Это обман, а не лев! Вон там на стене настоящие львы и тигры, а здесь обман, и отдайте мне десять копеек назад!

Рабинович щелкнул длинным бичом:

— А ну, марш отсюда, пискунчик!

Я выскочил на улицу. Домой идти без хлеба я боялся и все бродил вокруг амбара и все смотрел и смотрел на нарисованный зверинец, который оказался в тысячу раз лучше настоящего. Потом отец нашел меня возле амбара, привел домой и отстегал ремнем. Я заснул в слезах. Зато мне всю ночь снились лиловые львы, малиновые тигры, желтые слоны, синие обезьяны и пестрые крокодилы — весь «тропический зверинец» великого Ефима Зака.

«РОГ ИЗОБИЛИЯ»

У меня было четыре тети с папиной стороны и одна — с маминой. Ее звали тетя Бася. Она приходилась дальней родственницей знаменитому в нашем городе живописцу вывесок Ефиму Заку.

Его яркие, цветистые вывески не давали мне покоя. Я упрашивал отца:

— Папа, отведи меня к Заку! Я хочу учиться у Зака!

Отец отвечал:

— Дурачок, для этого надо же иметь талант! У тебя разве есть талант?

— Есть!

— Глупость у тебя есть, а не талант! Иди!

Я убегал к тете Басе. Она у нас была фабрикантом. У нее была своя фабрика.

Хозяином была тетя Бася, рабочим — тетя Бася. В первой смене работала тетя Бася, во второй — все та же тетя Бася. У фабрики была даже вывеска кисти Ефима Зака:

ПАКЕТЫ, БУМАЖНЫЕ МЕШКИ И КУЛЬКИ

СРОЧНО!!! ТОЧНО!!! ПРОЧНО!!!

Буквы были замечательные, точно печатные. По краям извивались узоры.

Я ныл:

— Тетя Бася, вы же ему родственница, отведите меня к Заку!

Бася густо смазывает клейстером листы из старых журналов.

— А способность? Хороший пакет тоже не всякий сделает, а тут — художественное дело.

— Пусть он меня испробует.

— Ну, хорошо, только положи пакет, не мешай!

У тети Баси была моя «библиотека». Книг у меня не было, и я читал пакеты.

Попадались очень интересные.

В один пакет я залез с головой — прочитать изнанку. Бася рассердилась:

— Положи! Разорвешь!

Я взял другой.

«Если на вас, как из рога изобилия, сыплются неприятности, не падайте духом. Наши безвредные укрепляющие капли...»

Остальное было загнуто и заклеено.

— Тетя Бася, что такое «рог изобилия»?

Тетя Бася бросает работу, упирается кулаками в стол:

— Ты перестанешь мешать? Тут срочный заказ для мадам Болтынской, а я еще половины не сделала!

Вечером я спросил у папы:

— Папа, что это значит «рог изобилия»?

— Кого рог? — удивился папа. — Изобилия? Хм! У кого мы имеем рога? Мы имеем рога у коровы, у козы, у... — Он

задумался, потер подбородок и вдруг показал на ходики: — Десять часов, а ребенок еще не спит... Марш в кровать!

Два дня я ко всем приставал:

— Что такое «рог изобилия»?

Бабушка отвечала:

— Мало ли какую чепуху печатают в этих журналах!

Мама отвечала:

— Я тебе сто раз говорила: не читай ты эти дурацкие пакеты!

Дядя объяснил:

— Изобилие — это, наверное, толстая корова, и это ее рога.

А тетя сказала:

— Это такой рожок.

Я побежал к тете Басе, стал перечитывать:

— «Если на вас, как из рога изобилия...»

Бася перебила:

— Сегодня утром я его встретила на базаре. Покупает какую-то олифу.

Я вскочил:

— Ефима Зака?

— Ага!

— Ой! Что он сказал?

Тетя Бася нарочно молчит, смазывая и загибая лист за листом. Она сделала полдюжины пакетов и только после этого ответила:

— Он сказал: «Вы же знаете, Бася, у меня одни дочки, и хороший мальчик мне не помешает». Я сказала: «У меня есть для вас хороший мальчик. Лучшего не найдете: мой племянник, сын щетинщика Липкина». Зак сказал: «Приведите». В пятницу мы с тобой пойдем.

Я побежал домой, рассказал маме про Зака, рассказал папе про Зака и стал собирать для Зака свои рисунки.

В пятницу мама нарядила меня, точно на свадьбу.

— Смотри, будь умным мальчиком, слушайся тети Баси. Басенька, ты поговори там, уприси Ефима!

— Он будет смотреть только на способность, — ответила тетя Бася. — Идем скорей, а то у меня фабрика стоит! —

Она зашагала быстро, как солдат. Я едва поспевал за ней. По дороге нам попадались знакомые вывески — портные, парикмахеры, сапожники, лавочники, — на каждой в углу была подпись: «Художественный салон Е. Зак».

Спотыкаясь, я бежал за тетей и мечтал: «А вдруг когда-нибудь и моя работа будет висеть по всему городу, и все будут читать: «Гирш Липкин, Гирш Липкин»!

Я волновался. Тетя ворчала:

— Каждый час — это полсотни пакетов! Кто мне их вернет?

Зак жил: Тюремная, угол Мощеной. Мы долго шли вдоль глухого забора. Было лето, цвели каштаны, громадные цветы сияли на них, точно свечи.

— Тетя Бася, вы ему не говорите, что мне девять. Скажите — одиннадцать!

— Что ты меня учишь?

Она толкнула калитку, и я увидел Зака. В тени каштана он писал вывеску:

Д И Ч

Он был маленький, с большой лысой головой.

— А, Баселе! — сказал он и бросил кисти в ведро. — Заходите, фабрикантка. Как у вас там — все срочно и прочно?

Тетя засмеялась. Зак обернулся ко мне:

— Как тебя зовут? Гирш? Гирш — значит олень. Посмотрим, олененок, какие у тебя рожки, что ты умеешь.

Я вспомнил «рог изобилия», но спросить не решился и молча подал Заку рисунки. Он посмотрел:

— Молодец! А читать ты знаешь?

Я взглянул на вывеску и отчеканил:

— Дичь!

И вдруг забормотал:

— Только здесь, в конце, надо мягкий знак...

Я испугался и спрятался за тетку. Тут сам великий Зак немного смутился:

— Скажите, какой министр! Он даже знает мягкие знаки!

Еще один вопрос, и мы его отпустим. Зайдемте в салон! Шейна, принимай гостей!

В комнате было тесно, грязно, убого. Шейна положила на голый стол ржавую селедку и две луковицы. Пахло пеленками, масляной краской, замазкой. Вдоль стены, в углу, затылками к нам, стояло пять или шесть оборванных девочек. Они что-то ели, верно что-то очень вкусное, так как все громко чавкали, причмокивали, облизывались, шумели:

— Ривочка, а я вон то кругленькое съела.

— Нет, кругленькое мое, я его буду есть.

— А этот пряник зато мой! И вон тот! И та рогулька!

— А мой зато с изюмом!

— А я вон ту булочку ем, эту баранку и еще вон ту халу!

Они ели с таким аппетитом, что не заметили нас. Зак сказал:

— Разойдись, обжоры!

Дети расступились, и я увидел красивую вывеску. На ней был нарисован громадный, завитый в десять колец бараний рог. Из него дождем сыпались плюшки, баранки, сайки, пирожные, халы, калачи, крендели... Я проглотил слюнку. Зак сказал:

— А это как называется?

— Это... какой-то рог...

И вдруг у меня само собой вырвалось:

— Это же, наверное, рог... этого... изобилия!..

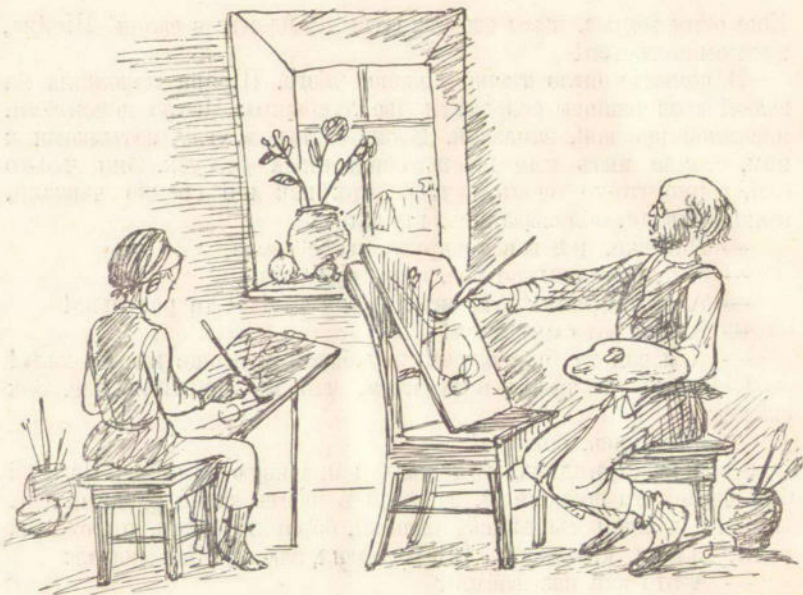
Зак был потрясен.

— Беру его! Пускай завтра приходит с папашей. Это же готовый профессор!

Бася сияла:

— Я вам говорю — он все мои пакеты перечитал!

Так я поступил к великому Ефиму Заку. С тех пор прошло тридцать лет. Но всякий раз, когда мне попадаете выражение «рог изобилия», я вспоминаю детей Ефима Зака — как они, причмокивая и облизываясь, лакомились у нарисованного на железе громадного «рога изобилия».

НАТЮРМОРТ

Весь угол от комода до маминой кровати носит гордое название: «моя комната». Здесь я хозяин! Стенку я залепил картинками из газет и журналов. Тут всякие. Вот слон Ямбо из Одессы. Вот артистка иллюзиона Вера Холодная. Вот мировой силач Мацист. Вот красавица с замечательным именем Метаморфоза. От нее вкусно пахнет мылом. Вот танцующая парочка, а под ней стихи:

Падекатр танцовать —
Все одно маршировать:
То налево, то направо,
А руками хлопай bravo!

Мама каждую пятницу соскабливала картинки, ругалась:

— Опять налепил! Опять клопов разводить!

Но я их снова наклеивал. Доставать картинки было нелегко, особенно в и д ы. Это такие открытки: с одной стороны пишется, кому что надо, а с другой — картинка.

Один в и д я выпросил у нашей соседки Матильды Казимировны — ей прислал жених из Варшавы. Там были нарисованы какие-то заграничные фрукты, цветы, ваза, даже ковер. На обороте была напечатана непонятная надпись.

Я показал в и д Ефиму Заку.

Зак бросил работу — у него был срочный заказ для уездной управы — и долго любовался чудесной картинкой:

— Оранжевые — это апельсины. Темнокрасные — это гранаты. А это, если я не ошибаюсь, настоящие ананасы. Да, Гиршеле, это мастер! Он мог бы сделать бакалейную вывеску первый сорт!

— Учитель, а что там на обороте?

— На обороте? «Моя золотая, бесценная Матильдочка, я...» К нам не относится, Гиршеле, не будем соваться в чужое дело.

— Нет, там еще печатными! Внизу!

— Печатными — другой разговор. — Он снова стал читать: — «Ант-вер-пенский му-зей». Так! «Не-из-вест-ный худож-ник сем-над-цатого века»... Такой мастер и вдруг — неизвестный! «На... на...» — Он запнулся. — Дальше, Гиршеле, напечатано на докторском языке, на котором пишут рецепты... Постой!

Он позвал старшую дочку:

— Мира, сегодня твой Цирельсон придет?

— Почему мой? — смутилась Мира. — Придет, наверное.

— Скажи нам тогда. И не красней, пожалуйста!

Цирельсон, аптекарский ученик и друг Миры, пришел к обеду. Зак показал ему в и д:

— Прочитайте-ка «рецепт»!

Цирельсон прижал к рыжеватым бровям пенсне на шнурочке и с важностью произнес:

— На-тюр-морт!

Мира гордо улыбнулась. Зак спросил:

— А что это такое?

— Натююр... — протянул Цирельсон, — это, скорей всего, натура, а «морт» — значит, мертвый! Все?

— Не совсем, — отозвался Зак. — Что ж это все-таки значит?

Мира покраснела. Цирельсон размахивал шнурочком:

— Ммм... Я ж вам объяснил... А если хотите подробней, зайдите как-нибудь в аптеку. Сейчас мы с Мирочкой торопимся.

Он бросил открытку на стол и увел Миру в иллюзион. Зак почесал голову, на которой когда-то росли пышные волосы, и сказал:

— Что же мы имеем? Мы имеем «натуру» и «мертвый»! Мертвая натура? Я знаю, натура бывает широкая, испорченная, сильная, но — мертвая?

Я разглядывал апельсины. Вдруг меня осенило:

— Учитель, помните, вы говорили: надо рисовать с натуры и...

— Умница, — перебил Зак, — золотая голова! Ну, конечно же, всякие штуки — фрукты, посуда, вещи — это же мертвая натура. Натюр-морт!

Я был польщен. Набравшись храбрости, я сказал:

— Учитель, а мы тоже неизвестные художники! Давайте, наберем всякую мертвую натуру, разложим, как на картинке, и нарисуем. А что?

— Для Антверпенского музея? — засмеялся Зак. Он стал внимательно изучать открытку. — Какие краски! И это у них называется неизвестный художник! А где мы с тобой найдем такие ананасы и апельсины? Греческую вазу? Персидский коврик? Впрочем, постой!

Он живо отодвинул «срочный заказ», вышел из комнаты и через минуту вернулся с тремя большими луковицами:

— Вот тебе апельсины. Разложи их справа, как на картинке. А я схожу за этими... за гранатами.

Он сбегал в кладовку и принес несколько красноватых картофелин.

— На картинке они слева, и у нас они будут слева.

Он снова взглянул на открытку.

— Посередке у этого неизвестного художника написан

кавун. Этого добра у нас много. Это же, слава богу, не ананас.

Мы с Заком пошли на базар и выбрали хороший, могучий арбуз, не хуже, чем на открытке.

— Теперь, — сказал Зак, которому затея стала нравиться, — ты должен раздобыть приличную греческую вазу.

Я побежал домой, долго терся на кухне. Как только мама отвернулась, я схватил высокий глиняный горшок, в котором она маринует селедку, выплеснул остатки и, обняв его, понес к Заку.

Учитель был доволен:

— Как раз то, что нужно. Настоящая музейная вещь! Ставь сюда!

И он торжественно опустил в «вазу» бумажную розу, которая обычно висела над зеркалом Миры.

Теперь у нас почти все, как у неизвестного художника семнадцатого века. Дочки Зака — Сонечка, Басенька, Ривочка — с жадностью следили за нашими приготовлениями. А когда мы вырезали арбуз, как на открытке, и положили ярко-красный, сочный кусок около «вазы», поднялся рев:

— Папа, дай! Папа, арбузика!

Но Зак выставил всех за дверь и накинул крючок.

— Нет, Гиршеле, ты посмотри, какой у нас получается натюрморт. Это же прелесть что такое!

Мы быстро набросали контур и взялись за краски. Весело блестели луковицы. Красным фонариком сияла роза. Зак, не отрываясь от работы, говорил:

— Мой знаменитый земляк Исаак Левитан¹ учил меня: «Главное, Ефим, это натура! Без натуры художник высыхает!»

За дверью плакали дети. Зак время от времени покрикивал:

— Тише там! Сонечка, уведи Ривочку!.. И еще он говорил: «Искусство требует жертв. Потому что...»

В дверь забарабанили изо всех сил. Зак взмолился:

— Детки, перестаньте стучать!

Но это были не детки. Это была сама жена Зака, Фейга:

— Ефим, открой сию минуту!

¹ И. Левитан — знаменитый русский художник-пейзажист.

Зак побледнел и сладким голосом сказал:

— Фейгеле, мы сейчас немножко заняты.

— Открой сию минуту, или ты получишь такой скандал!..

Зак поднялся, виновато посмотрел на меня и откинул крючок. Фейга ворвалась в комнату:

— Ищу, ломаю голову: где лук? «Дети, где лук?» — «Папа взял!»

Она шагнула к натюрморту.

— Фейгеле, — сказал Зак, — не трогай. Это же апельсины!

— Апельсины? — Она засмеялась. — Дети, он решил стать городским сумасшедшим. Уездная управа будет ждать, а он будет представлять цирк. — Она схватила луковицы. — Апельсины на твою лысину!

И вышла. Зак печально улыбнулся:

— Ничего, Гиршеле. Искусство требует жертв..

Вдруг я услышал голос мамы:

— Фейга, мой бездельник у вас?

— У нас, у нас! Зайдите, полюбуйтесь на эту сумасшедшую парочку!

Мама, пугливо озираясь на Зака, вошла в комнату и зашептала:

— Ты брал маринованный горшок?

— Мама, горшка я не брал. Я взял только греческую вазу и скоро верну!

— Что? — Она растерялась и холодной рукой пощупала мой лоб. — Там же были две селедки и еще хороший хвост.

Тут она взглянула на подоконник:

— Ой, вот же он стоит! Извиняюсь, Ефим, но я его забираю. Куда ты девал селедки, я тебя спрашиваю? Подожди, папа все будет знать!

Она взяла нашу «вазу» и шагнула за дверь. Я побежал за ней:

— Мама, отдай! Мама, нам только дорисовать!

Она отвечала на ходу:

— Больше ты у Зака не работаешь. Кончено! Сумасшедший сын мне не нужен.

— Мама, постой! Мама, я ж тебе объясню!

Она не слушала. Я бежал за ней до самого дома. Там у нас с папой вышел крупный разговор. Подконец он взялся за ремешок — он слишком любил маринованную селедку...

Но я удрал к Заку.

Учитель, хмурый, невеселый, сидел на крылечке. Он погладил меня по голове:

— Гиршеле, ты не расстраивайся... Получился маленький погром. Я вышел на базар поискать другую вазу, а когда вернулся...

Я не дослушал учителя и толкнул дверь...

Все было кончено! Груда арбузных корок украшала подоконник. Бумажная роза валялась на полу. Дети Зака ходили с мокрыми, сияющими рожами. Учитель подолом испещренного всеми красками халата покорно вытирал щеки то Сонечке, то Басеньке, то Ривочке...

Я подобрал бумажный цветок.

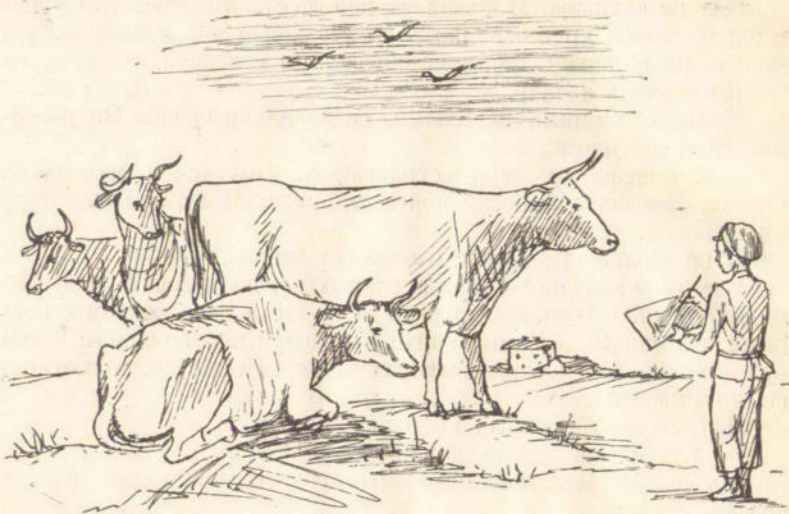
— Учитель, а как же наш... натюрморт?..

Зак сел на табуретку, взял палитру и, размазывая черную краску, сказал:

— Пока что, Гиршеле, надо закончить вот этот «натюрморт». А ты свой вид спрячь. Когда-нибудь... в другой раз...

Он придвинул к себе начатую вывеску и стал ловко выводить прямые черные буквы: «УЕЗДНАЯ УПРАВА». Этот шрифт у нас назывался «двойной губернаторский».

А я поплелся домой и прилепил варшавский вид к стене — между мировым силачом Мацистом и душистой красавицей Метаморфозой.

НОС

В десяти верстах от нас, в губернском городе, открылось «Художественное. Имени. Ея. Императорского. Высочества. Великой. Княгини. Терезы. Константиновны. Училище».

Я тогда состоял учеником при живописце вывесок Ефиме Заке. Он относился ко мне хорошо. Он верил, что из меня выйдет второй Исаак Левитан.

Он говорил:

— Если ты не поступишь в это самое «имени княгини такой-сякой» училище, я тебя знать не хочу!

— Разве они меня примут?

— А ты пробуй, лезь, добивайся! Как только закончим корову, я — я сам поеду с прошением!

Корову заказал мясник Лейзер Бланк.

— Вы понимаете, Ефим, — объяснял он, — мне хочется, чтобы это была медальная корова. Чтобы все части выделялись. Чтобы хозяйки не могли оторваться!

Намечая углем:

МЯСО ЛЕЙЗЕРА БЛАНКА,

Зак говорил:

— Вывеска, Гиршеле, должна кричать. Если она молчит, она не вывеска.

— Кричать?

— Только! Например: у тебя разболелись зубы. Ты лезешь на стенку, ты бегаешь по улицам, как сумасшедший. И вдруг среди вывесок ты находишь большое черное: «ЗУБ». Ты бежишь туда. Помогут ли тебе там, это другой вопрос. Значит, вывеску для дантиста делай: черный прямой шрифт на белом, крупно: «ЗУБ» и мелко, косым: «ной врач». И она будет кричать!

Он бросил уголек и стал искать подходящую корову. Мы долго перелистывали замызганный букварь, откуда Зак часто срисовывал разное для вывесок. Хорошей коровы там не было. Зак сердился. Я сказал:

— А что, если я схожу в стадо и попробую срисовать с живой коровы?

Зак улыбнулся:

— Золотая голова! Иди! Добивайся!

Я схватил папку и побежал за город, на луг. Коров я очень боялся. А там ведь не одни коровы, там еще настоящий бык. Все-таки я смело шагал по кочкам.

И вот я добрался до стада. Пастух Трофим спал под вербой. Коровы с удивлением посмотрели на меня.

Я выбрал самую толстую, самую рыжую и стал выполнять ее портрет во весь рост.

Сначала я то и дело озирался на лежащего в стороне быка. Везде мне мерещились страшные кривые рога. Но скоро я позабыл обо всем и только старался возможно точнее передать все изгибы коровьего тела.

Рыжая позировала хорошо. Я весь, вместе с папкой, отражался в ее выпуклом темном глазу. Иногда она передвигалась по лугу, и я, спотыкаясь, бежал за ней по кочкам и коровьим «блинам». Злющие мошки и голосистые комары одолевали меня. Я даже не отмахивался — я работал!

Скоро портрет был готов.

Зак радовался:

— Какая тушовка! Какой глазомер! Вот тебе мои кисти, пиши корову сразу на железе. И если ты не подашь прошение, я тебя выгоню!

Не веря своему счастью, я корову расчертил, увеличил; наколол по контуру дырочки, толченым мелом перебил рисунок на грунт и стал разрабатывать масляными красками. Я сделал круглый синий глаз, в котором отражаются зеленый луг и голубое небо. Розоватыми белилами тронул хвост, ноги, вымя. Коричневой умброй наметил причудливые пятна на спине. Рога сделал голубые, с зелеными кончиками. Зак подправлял, советовал:

— Ярче! Чище клади краску! Чтобы она кричала! Чтобы она пела, наша вывеска!

То и дело он вырывал у меня кисть, и я бормотал, суетясь и приплясывая около учителя:

— Я сам, я сам...

Корова вышла наславу. Когда мы вешали ее над лавкой Лейзера Бланка, мясник стоял внизу и, вытирая фартуком руки, говорил:

— Эта блондинка мне нравится.

Зак показывал на меня:

— Ему, ему кричите спасибо! Ого, вы еще о нем услышите! Лейзер, вы завтра поедете на городскую бойню. Захватите меня.

— С удовольствием, — отвечал Бланк, не отрываясь от вывески.

И Зак поехал в город, и привез оттуда два листа гербовой бумаги, и уселся писать прошение.

«ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ГОСПОДИНУ ДИРЕКТОРУ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ИМЕНИ... — выводил он буква за буквой своим самым лучшим шрифтом — «королевским рондо», — ПОКОРНЕЙШЕ ПРОШУ ПРИНЯТЬ...»

Он сам отвез прошение в город и вернулся важный, озабоченный.

— Гиршук, послезавтра экзамен. Мясник нас подвезет. Спросят домашние работы. Где твоя корова?

— Я ее всю тогда исчертил... испортил...

— Эх ты, цыпленок! Возьми зеркало, рисуй себя, чтобы завтра была домашняя работа.

Я рисовал себя в зеркале: улылый нос, испуганные глаза, космы вдоль ушей. Зак все забраковал. Домашней работы так и не получилось. Пришлось ехать без нее.

Рано утром мы пошли к Лейзеру. Городиншко еще спал, хотя петухи уже давно будили его. Мясник выкатил дряхлую окровавленную телегу. Солнце снизу освещало бродячих собак около домика Лейзера, вывеску над крылечком. Зак долго смотрел на нее и вдруг закричал:

— Бланк, я хочу украсть у вас вывеску!

— Ша! — шопотом отозвался Лейзер. — У нас еще спят. Вы с ума сошли!

— На денек! — уговаривал Зак. — Надо же помочь мальчику. Вы сами видите его работу. Это же второй Левитан! Будьте хоть раз человеком, а не только мясником!

Он подтолкнул телегу к дому, забрался на нее и стал снимать с крюков вкусно пахнущую краской вывеску. Бланк шипел:

— Я подам в суд! Я буду жаловаться! Вы мне испортите торговлю!

— Ничего, ничего, — утешал его Зак. — Вечером ваша красавица к вам вернется.

Мы уложили вывеску на телегу, прикрыли мешком, уехали, и Лейзер погнал лошадь. Всю дорогу он ворчал:

— Ефим, вы ненормальный... Н-но, скотина!.. Нормальные так не поступают... Н-но, чухотка!

А Ефим Зак за его спиной подталкивал меня локтем, веселился:

— Теперь у нас есть домашняя работа. Пускай полюбуются! Та-кая корова!

Через два часа мы подкатили к зданию с колоннами, над которым желтел двуглавый орел. Швейцар с возмущением посмотрел на наш «парадный выезд». Мясник сказал:

— Чтобы вечером вывеска была на месте, Левитаны!.. Н-но, мешок с костями!

Зак сбежал в канцелярию.

— Сейчас начнется, — сказал он вернувшись. — Экзамен легкий: кого-нибудь срисовать. Когда тебя примут, я тебя устрою здесь у сестры. И, когда ты станешь знаменитым, Янкель-Гирш, не забывай старого Ефима Зака, из которого тоже мог бы получиться второй Левитан и... и... не получился. — Он обнял меня. — Ну, иди!

Он остался внизу, около вывески, а мы все, податели прошений, поднялись по широкой лестнице и разошлись по классам. На стенах висели белые гипсовые носы, уши, рты. Я искал: кого рисовать?

Но все уже взялись за работу. Податели прошений усердно вырисовывали носы и рты. Мне стало не по себе. Как это рисовать отдельное, точно отрезанное от громадного трупного уха!

Мне достался нос. Большой, прямой, белый, как сахар. Нос — и больше ничего!

Справа и слева, сзади и спереди скрипели угольки и тушевые карандаши. Я тоже стал срисовывать висящий передо мной холодный, бессмысленный нос. Я не слишком вглядывался в его белизну. Скорей избавиться, скорей на улицу, увидеть что-нибудь живое — собаку, лошадь, корову!.. Ломая угольки, я торопливо выводил громадный нос и темные дырки ноздрей.

Через час раздался звонок, захлопали подставки, задвигались стулья. Служитель стал собирать рисунки. Я побежал к Заку.

— Ну? — спросил он издали.

— Нос.

— Что-о?!

— Нос... Я рисовал нос...

— Чей нос? Что ты болтаешь?

— Отдельно нос... и больше ничего.

Зак растерялся.

— Это, наверное, такая новая система. Ничего... Ты забыл про это! — Он щелкнул пальцем по железу вывески.

И, когда нас позвали в актовый зал на заседание художественного совета, Зак сам понес нашу вывеску. Под портретами Николая II и «той самой» княгини сидели люди в мундирах и эполетах. Я боялся на них смотреть — они были слишком важные, но Зак их не боялся. Как только председатель вызвал: «Лип-кин... Гирш...», Зак вскочил и весело сказал:

— Он здесь... вот... Это, извиняюсь, мой ученик...

— А вы кто?

— Кто я? Я живописец вывесок... тут, из местечка... Исаак Левитан тоже из нашего местечка...

— Домашние работы представлены?

— Сейчас... — Зак взгромоздил закутанную в мешок вывеску на крытый зеленым сукном стол. — Одна минута...

Мешок упал на сукно. Рыжая корова с голубыми рогами спокойно посмотрела на председателя. Стало тихо. Кто-то громко и раздельно прочитал:

— «Мясо Лей-зе-ра Блан-ка».

— Что?! — Председатель махнул рукой, и корова с грохотом полетела на пол. — Да как... да как вы... смеете?

Зак побледнел.

— Извиняюсь... если это не подходит... Я думал... Но ведь мой ученик рисовал еще нос...

Председатель платком вытирал руку.

— Николай, подайте лист Липкина Гирша!

«Мой» нос появился на столе.

— Николай, гипс номер два. Спасибо. Теперь, господа, сравните этот благородный греческий нос, — он приподнял бумагу за уголок и показал всему залу, — с этим... горбатым

уродством. — Он повернулся к нам: — Ваш ученик, господин маляр, нарисовал свой... свой нос! Да, это он сделал талантливо. Но нас, господа, нас такой нос не устраивает!

Он усмехнулся. И все — сидящие и за столом, и вдоль стен, и в креслах, и служитель у двери, — все засмеялись. И под этот смех мы с Ефимом Заком, неся «Мясо Лейзера Бланка», вышли из «Художественного. Имени. Ея. Императорского. Высочества. Великой. Княгини. Терезы. Константиновны. Училица»...

ПОРТРЕТ

Работы не было. Жена Зака, Фейга, говорила:

— Ефим, что ж это будет? Надо за что-нибудь взяться! Ты изверг над детьми...

Зак стоял у окна, слушал и пальцем рисовал на запотевшем стекле разные узоры. Потом он широкой ладонью смазал все нарисованное:

— Не надо нервничать! Кажется, я что-то придумал.

Он взял кусок слоновой бумаги, написал на ней красивыми буквами:

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ УВЕЛИЧЕНИЕ.

СХОДСТВО ГАРАНТИРУЕТСЯ!!!

и повесил плакат над крылечком. Слезая с лестницы, он сказал:

— Хорошо, если пришел бы какой-нибудь богатый борода-
тый клиент. Какой-нибудь коммерсант!

Я спросил:

— Почему бородатый?

— Бородатый клиент, — ответил Зак, — это легкий клиент.
Сделаешь ему бороду, усы, и сразу будет похож. Очки тоже хо-
рошо!

Но клиенты не шли — ни бритые, ни бородатые. Время бы-
ло тяжелое, война, никто не хотел увеличиваться.

Но вот один раз Фейга, открывая форточку, закричала:

— Ефим, встречай! Клиентка идет!

Зак открыл дверь. В комнату вошла молодая, чисто одетая
женщина.

— Здесь делают портреты? — спросила она, не вынимая рук
из белой муфточки.

— Здесь, здесь, пожалуйста, — засуетился Зак. — Фейга,
стульчик мадмазель!

— Не беспокойтесь. А можно посмотреть образцы?

— Образцы? Ммм... конечно... Фейга, образцы мадмазель...
Нет, постой, я совсем забыл: я же их послал на выставку... в
Академию художеств...

— В академию? — почтительно повторила клиентка и при-
села на краешек табуретки. — А долго это — увеличиться?

— Для вас — недолго. Сегодня закажете — завтра готово.
Тем более, ваше лицо...

— Нет, не мое...

— Ну, значит, кавалера. Тоже недолго.

Клиентка засмеялась, достала из муфточки карточку и про-
тянула ее Заку. Я заглянул. Там была изображена кудлатая
собачья морда. Зак испугался:

— Да... это кавалер...

— Видите, — стала объяснять клиентка, — у моей хозяйки
умер пудель Бижу. Мадам очень убиваются... Они хотят пове-
сить большой портрет Бижу у себя в спальней. Кругом они
просили сделать рамочку, обвить ее веночком, а внизу подпи-
сать: «Спи спокойно, незабвенный друг».

Зак покосился на карточку:

— Сказать по правде, собачьих портретов я еще не делал. Собак я не люблю...

— Ефим, — закричала Фейга, — Ефим, ты любишь собак! Не верьте ему, он очень любит собачек...

— Ну, ладно, оставьте, — смягчился Зак, — я подумаю... Клиентка ушла. Фейга всплеснула руками:

— Ефим, тебе не все равно? Собака — так собака! — Она оглянулась и закричала: — Ой, кажется, еще клиенты идут!

Мы кинулись к окну. Длинный, костлявый и сутулый старик поднялся на крылечко. За ним ковыляла толстая, закутанная в платок старуха с красным одутловатым лицом.

— Можно ей присесть? — сказал старик войдя. — У нее больные ноги. Блюма, сядь. Эти самые... ну, эти портреты... Это вы делаете? Сядь же, Блюма.

Блюма села. Старик тоже сел, но сразу вскочил:

— Зачем ей портрет? Просто женский каприз. Ведь это же грех! Еще пророк Моисей на горе Синайской сказал: «Не сотвори себе подобия своего». И как, это выгодное дело?

— Золотое дно! — усмехнулся Зак.

— Это всё ее выдумки, — старик оглянулся на Блюму. — Понимаете, у нас есть сын. Или был сын. Мейлах, способный мальчик, открытая голова, учился на провизора. И вот его забрали в солдаты. И, когда началась война, его погнали в самый первый бой. А потом мы получаем такую открыточку с красным крестом: «Рядовой Шифман Мейлах пропал без вести».

Блюма часто закивала головой. Слезы покатались по ее естественно красным щекам.

— Блюма, не надо, — стал утешать ее старик. — Блюма, а если бы написали, что он убит, тебе было бы легче?

— Не знаю, — всхлипывала Блюма. — Я хочу его видеть...

— В том-то и дело. Она хочет его видеть. Я вам говорю, женский каприз! — Он передохнул и спросил: — Так на чем вы их делаете? — Он пощупал слоновку. — Как будто прочная. И получается похоже?

— Сходство гарантирую, — твердо сказал Зак.

— А сколько это будет стоить?

Старик долго торговался, советовался с женой, потом вздохнул:

— Ну, делайте!

— По рукам, — сказал Зак. — Дайте карточку!

— Какую карточку?

— Вашего Зореха, или, как его... Мейлаха...

Старик удивился:

— Будь у меня карточка, я бы к вам не пришел. Когда он был дома, он никогда не снимался.

Зак рассердился:

— Два часа вы мне морочили голову. До свиданья!

Старик растерялся. Старуха поднялась и с трудом подошла к Заку:

— Милый человек... я вас прошу, сделайте. — Она схватила его за руку. — Он же был у нас красавчик... Сделайте...

Фейга не выдержала:

— Вам же объясняют: без карточки нельзя!

Зак задумался.

— Фейгеле, подожди. Скажите, может быть, он у вас носил бороду? Хотя бы небольшую бородку?

— Бороду — нет, — ответила Блюма, — он носил усики, которые он так закручивал. Он же был красив, как весенний день.

— Усы были — это хорошо. Может быть, очки?

— Пенсне, пенсне на шнурочке. Он же учился на провизора.

— Тоже хорошо. Брюнет? Блондин?

— Волосы не очень темные, а глаза черные... — начал было старик, но Блюма перебила его:

— Что ты говоришь, Ойзер! Светлые волосы, как золото, и мягкие, как пух. А глаза — как две звездочки. Правда, темненькие...

— Худой? Или, скорей, полный?

— Кругленький, как солнышко, — торопилась старуха. — Щеки румяные, как яблочко...

— А на кого похож?

— На меня, — гордо ответила Блюма, — вылитый я.

— На нее, — подтвердил старик. — Ее нос, ее глаза, ее рот. Только характер мой.

— Ну, хорошо, — сказал Зак, пристально вглядываясь в лицо Блюмы, — попробуем. Только никакой гарантии. Похоже будет — хорошо, а нет — как хотите. Зайдете завтра.

Фейга закрыла за стариками дверь.

— Тоже мне клиенты! Зачем ты с ними связался?

— Фейгеле, — ответил Зак, — ты же тоже мать. Имей сердце!

Он взял бумагу, приколол ее к фанерке, очинил тушеваль- ный карандаш и стал набрасывать контуры молодого черногла- зого солдатики в бескозырке, с усами...

— Ефим, когда ты возьмешься за собаку? — ворчала Фейга.

Но Зак не отвечал, увлеченный работой. Он то и дело по- правлял рисунок, растирал пальцем полутона, растушевкой смягчал переходы, остреньким угольком старательно выводил брови, ресницы, усы...

...На другой день пришли старики. Блюма опустилаcь на табуретку и, переводя после каждого слова дыхание, спросила:

— Ну как... что-нибудь... получается?

— Что-нибудь! — ответил Зак.

Он поставил фанерку с портретом на стол. Старик и стару- ха долго смотрели на круглое веселое лицо Мейлаха, на лихо подкрученные усы, на сдвинутую к уху бескозырку. В комна- те стало тихо, только слышно было дыхание Блюмы. Потом она повернулась к мужу и тихо сказала:

— Ой, это он!

Старик пригнулся к рисунку, покачал головой:

— Это наш Мейлехке? Если бы ты мне не сказала, я бы его не узнал!

— Ойзер, это он! Мой красавчик, мое солнышко!

Она не отрываясь смотрела на веселого солдатики. Старик обернулся к Заку:

— Если ей нравится, пускай будет он!

Он полез в карман за деньгами. Зак сказал:

— Когда он вернется, я с него сделаю другой... Как живой будет, с гарантией... Дайте я заверну.

Но Блюма вцепилась в портрет, не отдавала его. Так она и унесла его, с фанеркой.

Зак проводил их, достал карточку Бижу и весело сказал:
— Фейга, придет эта собачья заказчица, отдашь ей. Скажи, пускай несет, куда хочет, хоть к ветеринару...

Он бросил карточку на стол и засмеялся:

— Спи! Спи спокойно, незабвенный друг!..

ПЕРВЫЙ ПОМОЩНИК

В годы гражданской войны Ефим Зак торговал на базаре лунными ночами и малиновыми восходами. Свой товар он выносил обычно в солнечный день. При этом он говорил мне:

— Ты, Гиршеле, мой второй помощник!

— А кто же первый?

— Первый — это солнце. Обыкновенное местечковое солнце, которое светит нам сквозь базарную пыль и дым лачуг. Оно помогает мне подобрать колер, сдать заказ, показать вещь лицом. Краски, Гиршеле, — это же целая химия!

Но вот настал день, когда «первый помощник» светил во-всю, а Зак на базар не вышел. И никто не вышел. Город притаился, все спрятались кто куда, потому что ждали бе-

лых. Мы сидели в погребе. Наверху стреляли из винтовок, из пулеметов и даже из пушек. Мама причитала:

— Ой, когда уже перестанут стрелять эти пули!

А папа шептал:

— Только тише, только еще тише!

Потом стрельба кончилась, где-то заплакала женщина, зазвенело стекло, грянула пьяная песня...

— Пришли! — вздохнул папа.

Мама снова запричитала. А я сказал:

— Давайте вылезем! Посмотрим, что за белые!

Мама изо всех сил дернула меня за рукав:

— Сиди, сумасшедший! Разве ты не слышишь, что там делается?!

Но не век же тут сидеть, в темноте! Потихоньку мы выбрались из погреба. Горячее солнце ударило в глаза. Я долго щурился, мигал, жмурился, потом, улучив минутку, улизнул к Заку.

На улице было пусто — все еще прятались. Прижимаясь к заборам, я добрался до Базарной площади. Там хозяйничали белые.

Какие же это белые! Обыкновенные солдаты, грязные, потные, бородатые, в зеленых штанах и рубахах, с погонами. Только на рукаве у каждого разноцветный уголок: полоска белая, полоска синяя, полоска красная. Я знаю, это царский флаг. Царя уже два года нет, а они всё еще за него.

Одни белые поили из брезентовых ведер худых лошадей, над которыми клубился пар. Другие прикладами ломали ларьки и рундуки, ковырялись штыками в замках, отдирали двери и ставни. Стук прикладов, ржание лошадей, треск, окрики, грохот стояли над площадью.

Один солдат гнался за курицей. Я сразу узнал ее — это была пестрая несушка Ефима Зака. Она вопила так, как будто ее уже резали, и мчалась прямо на меня. Солдат, стуча сапогами, крикнул:

— Держи, коли хочешь жить!

Жить мне хотелось. Я растопырил руки, пригнулся и ухватил бедную курицу за хвост. Она так и затрепыхалась. Солдат

пооткнул ее штыком и понес. Я опрометью бросился к учителю. Он, как ни в чем не бывало, сидел у окна и писал «лунную ночь».

— Учитель, белые пришли! Они убили вашу...

— Кого? — вскочил Зак, впиваясь в меня глазами.

— Вашу пеструю куру...

Зак успокоился.

— Фу, как ты меня напугал! Что значит курица, когда убить человека для них тоже не вопрос!

— Кругом стреляют, — сказал я, — а вы себе рисуете...

Зак стал размешивать краску.

— Однажды, Гиршеле, древние римляне захватили греческий городок Сиракузы. А греческий философ Архимедус задумался и не слышал, что кругом идет бой. Он чертил себе свои фигуры на песочке...

Шум за дверью перебил его.

— Кто там? Фейгеле, ты? — спросил Зак.

Дверь открылась, и в комнату ввалились двое: один с наганом и с пашкой, наверное офицер; другой с винтовкой, наверное простой солдат. Но оба с погонами и с трехцветными полосками на рукавах: полоска белая, полоска синяя, полоска красная...

Я забился в угол. Тот, который с наганом, сказал:

— Кто тут малярных дел мастер? Хайка, ты?

Зак ответил не сразу:

— Хайка — это женское имя. Меня зовут Ефим Зак, живописец вывесок.

Он поставил свою картину лицом к стене, выпрямился, и солнце скользнуло по его круглому и сейчас бледному лицу.

Офицер достал из военной сумки бумажку и концом нагана расправил ее:

— К утру изобразишь плакат. Вот рисунок для образца. — Он стал дулом водить по рисунку. — Это наше трехцветное знамя. Под ним напишешь воззвание: «Все честные люди, идите сражаться под это славное боевое знамя!» Большими буквами надо, понятно? Живей, малярная душа, принимайся за дело! Харченко, — обернулся он к солдату, — неси фанеру.

Солдат втащил четыре листа фанеры. Офицер сказал:

— Большой сделаешь, на все четыре листа. На площади его поставим. Если к сроку не поспеешь, мы из тебя, господин живописец, кишки выпустим и на штык намотаем! Правильно я говорю, Харченко?

— Так точно, господин прапорщик, — деловито отозвался солдат.

Они вышли. Я вылез из-за печки. Зак сидел, закрыв лицо руками. Потом он отнял руки и посмотрел в окно на солнце:

— Ну-с, помощники, за работу!

Я шопотом спросил:

— Учитель, неужели мы будем рисовать этот флаг?

Зак ничего не ответил. Мы молча разобрали фанеру и разложили ее на полу, лист к листу. На одном было написано: «Зода, мило, чернило», и мы узнали в нем стенку одного из базарных ларьков. Потом мы развели в ведре мел и широкими флейцами, нагибаясь к полу, загрунтовали все листы. Я спросил:

— Учитель, а чем кончилось с этим... с философом?

— С Архимедусом? — Зак махнул рукой. — Они его убили, что ты думаешь! Убить человека — это же для них тоже не вопрос.

Он взял линейку, начертил на фанере длинное древко с острым наконечником и принялся старательно закрашивать его ярко-красным цветом.

— Учитель, неужели вы даете красное древко под их поганое знамя?

— Помалкивай, — проворчал Зак. — Мастер всегда должен угодить заказчику.

Около древка он нарисовал развевающееся знамя и разделил его на три части. Я не утерпел:

— Я все-таки не понимаю, почему мы так стараемся?!

Он рассердился:

— Или ты будешь молчать, как рыба, или ты уберешься домой!

Я замолчал. Я уже догадался, почему он так старается. Он просто боится, что его убьют, как того Архимедуса. Учитель

между тем закрасил верхнюю полосу на знамени белым. Я взялся было готовить синьку и киноварь. Но Зак забрал у меня горшочек:

— Я сам! Не думай, что ты уже все умеешь!

Вместо обычного ультрамарина он развел берлинскую лазурь, долго ее размешивал и, закрашивая синюю полосу, сказал:

— Я, правда, химических академий не кончал, но мой опыт — это же лучшая академия!

Вот и синяя полоса готова. Зак взялся за красную. Он сделал ее чуточку пошире и аккуратно закрасил огненно-яркой киноварью, куда для крепости подбавил крапплаку. Плотная краска наглухо закрыла «зоду, мило и чернило». Широкое трехцветное знамя развевалось теперь на полу мастерской Ефима Зака. Он забрался на стул, посмотрел сверху на работу и, видимо, остался доволен. Потом взялся за шрифт. Жирные и ровные, точно печатные, буквы одна за другой вырастали под его кистью.

— Завтра, — сказал Зак, когда все было кончено, — почаще бегай на площадь, любуйся нашим знаменем.

Утром я побежал на площадь. Наш плакат уже был прибит к верхушке телеграфного столба и сиял, освещенный горячим июльским солнцем. Нарисованное трехцветное знамя развевалось над разграбленным городом. Напротив, в синагоге, помещался штаб. Часовые у входа глазели на плакат. Я побежал к Заку:

— Учитель, наше знамя уже на месте.

— А какое оно?

— Вы же сами делали — белое, синее и красное.

— Ладно. После обеда, Гиршеле, еще сходи.

После обеда я снова вышел на площадь, посмотрел на столб — и ужаснулся. Красная полоса сверкала во-всю, еще сильнее, чем утром. Зато белая и синяя полосы заметно полиняли.

Через полминуты я уже был у Зака и, задыхаясь, говорил:

— Учитель... беда... надо скорей... исправить... а то...

— Тише! — сказал Зак. — Кого исправить?

— Флаг. Он портится. Неправильные краски.

Зак усмехнулся:

— Видно, первый помощник не даром кушает свой хлеб! Успокойся, Гиршеле, а главное — молчи, молчи, как рыба.

«Первый помощник» исправно делал свое дело. К вечеру белая и синяя полосы на плакате окончательно выцвели. Я боялся смотреть на столб. И все-таки меня все время тянуло на площадь. Но вот наконец настала ночь. Слава богу! Хотя бы она тянулась без конца! Я плохо спал. За городом стреляли пулеметы красных. Я часто просыпался и все думал об одном: «Что будет, когда белые заметят перемену на плакате!»

И они заметили. Часовые, которые весь день поневоле пялили глаза на плакат, увидели неладное и доложили начальству. Утром я, как всегда, направился к Заку. Открывая калитку, я услышал шум в мастерской. Я подкрался к окошку. Тот самый офицер, «заказчик», размахивая револьвером, кричал на Зака:

— Ты что же это, малярная душа! Какие краски поставил? К стенке захотел?

Зак посмотрел в окно, заметил меня, отвернулся и сказал:

— Ваше благородие, господин полковник, я извиняюсь, но я же не виноват, что красный цвет — это более прочный цвет!

— Молчать! За ноги повешу! Закрасить сию минуту! Харченко, vedi.

И они повели моего учителя к базарной площади. Он шел медленно, держа в одной руке ведро с краской, а в другой — длинную лестницу. По обеим сторонам его шагали белые, точно конвой. Мне было жалко учителя, я хотел его позвать, но не решался и тихонько крался сзади.

На площади была суматоха. К синагоге то и дело подъезжали верховые. Оттуда выносили разные папки, сундуки, ящики и грузили на зеленые повозки. Я взглянул на плакат. От синей и белой полос и следа не осталось. Узкое красное знамя на красном древке темнело над площадью. Зак сказал:

— Ай-я-яй, какой конфуз получился! Какие сейчас делают плохие краски, кто бы мог подумать! Ведь краски — это же целая химия. А откуда мне знать химию, господин полковник?

— Сейчас узнаешь химию! — закричал офицер. — Пошевеливайся! Харченко, слетай в штаб, узнай, в чем дело.

Зак долго пристраивал лестницу около столба и стал мед-

ленно взбираться по ней, кряхтя на каждой перекладине. Вот он уже наверху. Не спеша он повесил ведро на белую разбитую пулей телеграфную чашечку, окунул в него кисть и стал размешивать краску. Синяя капля упала на землю. Зак посмотрел ей вслед. К офицеру подбежал Харченко, подвел ему лошадь и что-то сказал. Офицер, ругаясь, сунул револьвер в кобуру, вскочил на коня и поскакал прочь. Харченко за ним. На окраине уже стреляли красные. Я притаился в канаве под мосточком. Другие белые солдаты и офицеры тоже вскакивали на коней и мчались к Варшавской дороге.

Стрельба становилась все громче. Уже слышно было, как воют, пролетая, пули. Мне стало очень страшно, я заплакал и, не вылезая из канавы, стал кричать изо всех сил:

— Учитель, слезайте, слезайте — в вас пуля попадет!

— Нет, — закричал он не оглядываясь, — они же видят, что я около красного знамени! — И он замахал рукой, призывая тех, кого еще не видел.

А над его головой, освещая узкое красное знамя и буквы: «Все честные люди, идите сражаться под это славное боевое знамя!», сверкало горячее июльское солнце — первый помощник моего учителя, живописца вывесок Ефима Зака...

СОДЕРЖАНИЕ

ЗОЛОТОЙ ГРОШИК

Первая картинка	5
Золотой грошик	10
Свидание	15
В пятницу вечером	22
Казаки	26
Дядя Герцке	32
«Земной рай»	39

ПРО ЕФИМА ЗАКА

Зверинец	45
«Рог изобилия»	49
Натюрморт	54
Нос	60
Портрет	67
Первый помощник	73

Цена 2 р. 25 к.